

БЕЛЫЙ ДИРИЖАБЛЬ НА ТЕПЛОМ МОРЕ

РИНА
ЛЕСНИКОВА

18+

Рина Лесникова

Белый дирижабль на теплом море

«Автор»

2019

Лесникова Р.

Белый дирижабль на теплом море / Р. Лесникова — «Автор»,
2019

Специалист целительской магии Николь Николаева очень любит свою страну. И, как и все её граждане, делает всё, чтобы Свободная Республика могла процветать и дальше. Чтобы границы были непроницаемы, а дети спали спокойно. Ведь из-за магической Стены к ним рвутся ужасные монстры. Рвутся для того, чтобы украсть самое ценное - магически одарённых детей. Но сможет ли сама Николь избежать ужасной участи? Все имена, события и места действия являются плодом фантазии автора и никогда не происходили и не произойдут в действительности. Антиутопия.

© Лесникова Р., 2019

© Автор, 2019

Содержание

Пролог	5
Глава 1	15
Глава 2	24
Глава 3	31
Глава 4	40
Конец ознакомительного фрагмента.	41

Пролог

Красные отблески заката настойчиво пробивались через хмурые свинцовые тучи. Голые ветки деревьев злобно стучали друг о друга. Не иначе, к утру выпадет снег. А ведь ещё вчера ласковое солнышко дарило своё тепло и обещало скорое наступление лета. Да, не стоит верить весенней погоде. Верить вообще никому не стоит. Впрочем, не нужно об этом. Нужно ложиться спать. Просто она устала. Завтра будет новый день. Николь тихонько вздохнула и погасила слабенький ночник – комендант строго следила за экономией ресурсов. Заметят свет в неположенное время – и могут оставить на несколько дней вообще без электричества.

За окном раздался стук. Неужели ветер усиливается? Вот опять. Настойчивое тук-тук-тук, а потом противный скрежет по стеклу. Ветер не может выдавать такие упорядоченные звуки. Придётся выбираться из-под тонкого казённого одеяла и посмотреть – что же это там? Николь поднялась со своей узкой кровати, наощупь нашла растоптанные тапочки, подошла к окну и, откинув слабенький крючок, приоткрыла створку.

– Коська? Ты что здесь делаешь? Как ты сюда забрался?! Карниз весь обледел, ты же мог свалиться!

– А, пустяки, – ухмыльнулся неожиданный гость и, не дождавшись приглашения, перевалялся через подоконник. – Вот, проходил мимо, дай, думаю, зайду, узнаю, как дела?

– Какое «мимо»? Здесь второй этаж! И, вообще, твоя застава в четырёх часах езды на лошади?!

– А я не на лошади, – губы никогда не унывающего друга детства расплылись в хитрой улыбке. – Меня сам командир привёз на мобиле!

– Командир? Так ты приехал по делам?

– Не-а, только к тебе! Командир взял меня в качестве поощрения! – парень зажёл светлячок, отправил его под невысокий потолок, а затем достал из-за пазухи небольшой свёрток и протянул хозяйке комнаты. – Вот, тоже поощрение! Это тебе!

Николь взяла пакет и развернула жёсткую коричневую бумагу. Внутри было печенье, несколько кусков сахара и даже шоколадная плитка.

– Ох ты, какое богатство! – восхитилась она. – Откуда это у тебя?

– Я же говорю: {поощрение}, – Коська заговорщицки повёл бровям. – Ну, думай, Ники, думай!

– Что? Неужели?..

– Да! Я достиг шестого уровня! – он распахнул полы тёплой куртки. На форменном кителе сиял новенький знак специалиста универсальной магии шестого уровня. Коська подхватил девушку под колени и закружил по комнате. – Я же говорил, что добьюсь своего. И я добьюсь! Вот увидишь, осталось всего ничего! Предлагаю устроить по этому поводу пир! Ставь чайник!

– Коська, а давай ты его так подогреешь, а? Таблеток горячего осталось совсем немного.

– Ради тебя, солнышко, всё, что угодно, – Костик поднёс ладони к небольшому пузатому чайнику и сосредоточился.

– Солнышко – это у нас ты, – возразила Николь.

И правда, её поздний гость – старый школьный друг Константин Лайтер – был ярким, его упрямые вихры торчали в стороны как самые настоящие лучи. Нос, щёки и даже, как помнила Николь, руки, были покрыты крупными веснушками. Можно даже не присматриваться, чтобы понять, что весеннее солнце уже оставило на нём свои весёлые отметины. Невысокий, но коренастый Коська с самых малых лет излучал уверенность и спокойствие. Ещё в начальной школе он взял под свою опеку маленькую сероглазую девчонку со слабеньким первым уровнем целительского дара. Иногда Нике казалось, что она не выдержит жизни в интер-

нате, но неунывающий друг приходил на помощь, угощал утаённой на обеде конфетой или, если дело было летом и осенью, каким-нибудь фруктом, и неприятности отступали.

– Два солнышка в семье – это хорошо, – не стал спорить гость.

Семья. Они редко заводили про это разговор. Но уже давным-давно, сейчас уже и вспомнить невозможно, когда, настырный рыжий мальчишка сказал, что он обязательно женится на Ники. И нужно было для этого всего ничего – достигнуть будущему мужу восьмого магического уровня. Сегодня Костик похвалился, что достиг шестого. Николь украдкой вздохнула – один уровень за почти три года напряжённой работы на границе – её друг был отчаянным оптимистом. Уж ей ли, сестре-целительнице, не знать, как вытягивает Стена силы и саму жизнь. Впрочем, он и сам всё это понимает не хуже. Но от их работы зависела безопасность страны и её жителей.

За магическим барьером, чаще именуемым просто Стеной, располагалась загадочная Империя – страна ужасных монстров, которые с завидным постоянством рвались в Свободную Республику. Имперцы хотели разрушить барьер и поработить соседей. Стену поддерживали лучшие маги Либерстэна, его Элита. Но прорывы границы всё равно случались, и тогда монстры проникали к мирным соседям и воровали самое ценное, что было у Республики – её одарённых детей. Что было с детьми потом, каждый мог только догадываться. Может быть, их обращали в рабство, а может, приносили в жертвы своим ужасным богам. Официальная пресса не подтверждала, но и не опровергала эти слухи. Лишь сухие заметки о том, что враги опять совершили попытку прорыва. Чаще всего удачную.

– Замечательный повод для пира! – как можно веселее постаралась поддержать предложение друга Николь и достала две крепкие керамические кружки с весёлыми жёлтыми утятами на боках – подарок всё того же Костика. – Будем пить, гулять и веселиться. Только тихо!

– Разве я не понимаю, – серьёзно кивнул Костик и вылил вскипевшую воду в небольшой заварочный чайник. По комнате разошёлся приятный аромат. – Эх-х, опять мята! – показательно громко вздохнул парень.

– Мята очень полезна для организма! И, к тому же, успокаивает, – хозяйка комнаты шутиливо шлёпнула друга по руке ладошкой.

– Вот-вот, и я о том же: успокаивает, – последовал ещё один тяжёлый вздох. – Ники, а вообще, ты как? Много желающих?.. – Костик скривился, словно пил не чай, а старую простоквашу.

– Кось, не нужно об этом. Ты же понимаешь, что я, как каждая свободная гражданка, имеющая магический уровень, должна выполнить свой долг перед Либерстэном.

– Да, конечно. «Сначала республика, потом человек», – процитировал известный с детства девиз Костик. – Но поцеловать-то я тебя могу? – жалобно спросил он.

– И опять получится, как в прошлый раз, когда Дина нас чуть не застучала?

– Я сдержусь! Я правда, сдержусь!

Ну как можно отказать этому просительному взгляду новорожденного телёнка? И Николь сдалась. От Костика пахло немного пивом, немного пылью и крепким мужским духом. И что находят мужчины хорошего в этих поцелуях? Ещё и язык в рот протолкнул, как будто ему недостаточно губ. А жадные пальцы уже забрались под домашний байковый халат и мяли упругую грудь, целомудренно прикрытую сорочкой.

– Ники! Какая же ты сладкая! – Коська, конечно же, не сдержал обещание, он опустил на колени и, уткнувшись носом ниже живота, жадно вдыхал терпкий женский запах. – Ники! Я раздобыл такие штучки, их надеваешь, и беременность не наступает! Ники, давай попробуем! Я очень хочу тебя! Ну пожалуйста!

Горячая рука уже скользила по внутренней поверхности бедра. Это же Костик! Может, стоит согласиться? А он получит ещё один стимул повысить уровень. Вдруг и правда дорастёт до восьмого, и они смогут пожениться? И тогда не нужно будет в страхе ждать вызова от

«государственного производителя». Она будет настоящей замужней гражданкой. Но как же долг перед Республикой?

– Кось, Костя! Константин! Мы не можем, мы не должны! Не сейчас!

Коська замер на несколько мгновений, по-прежнему прижимаясь к бёдрам подруги лицом, затем сделал несколько глубоких вдохов и поднялся.

– И правда, что это я. Прости, с тобой я забываю обо всём. Я лучше пойду, – он, как когда-то в детстве, потёрся носом о нос Николь и, опёршись руками о подоконник, залихватски выпрыгнул в окно. Позёр.

Магия. Для кого-то дар, для кого-то проклятие. Но про это лучше молчать.

Для того чтобы жениться, мужчине в Либерстэне нужно было либо иметь восьмой уровень магического дара, либо вообще не иметь его. А женщина-маг, имеющая уровень ниже седьмого, имела право выйти замуж по своему выбору только по достижении тридцати четырёх лет.

Республика очень нуждалась в сильных магах, и каждая гражданка должна была понимать свою высокую ответственность перед страной – если есть возможность родить сильного защитника родных рубежей, она должна это сделать. А сильные маги, как известно, рождаются от сильных родителей. Потому по достижении девятнадцатилетнего возраста все магически одарённые девушки заносились в государственный реестр потенциальных матерей. Мужчины-маги, имеющие восьмой уровень и выше, выбирали среди них партнёра. Чаще всего это были кратковременные связи с целью зачатия магически одарённого ребёнка. Дети, рождённые в таком союзе, считались детьми государства и воспитывались государством почти с самого момента своего рождения. Но и любовь никто не отменял. Если маг достигал требуемого уровня, пара могла вступить в брак, и тогда дети росли с родителями до тех пор, пока не достигали шестилетнего возраста – возраста определения магии. В случае, когда магия проявлялась, ребёнок поступал в закрытую школу-интернат для обучения и всестороннего развития своих талантов. Если же магии не было, то он учился в обычной школе, поступал в училище, где получал достойную специальность. Республике были нужны не только маги, но и обычные рабочие руки.

Николь с её слабым вторым уровнем целительского дара даже и не надеялась когда-нибудь достигнуть седьмого уровня и получить возможность самой выбирать партнёра. А потому выбирали её. У неё уже были официально зарегистрированные связи, но пока они результата не давали – беременности не наступало. Правда, и времени с момента вступления во взрослую жизнь прошло чуть больше двух лет, но обычно целительницам удавалось забеременеть после первого же контакта, как её соседке по комнате Побед{и}не. Это значило, что либо у Николь имеется какой-то скрытый дефект, либо... но про это лучше даже не думать. Мало ли что. Поговаривали, что среди магов имелись такие, которые могли читать мысли. И тогда строптивую магиню ничего хорошего не ожидало.

Сознательное противодействие наступлению беременности приравнивалось к саботажу. Для подобных женщин существовали свои исправительные учреждения – закрытые «дома производства», где магини продолжали трудиться на благо республики – работали на полях и фермах, шили одежду и обувь, стояли у станков, в общем, занимались тем, что не мешало их основной функции – рожать государству магически одарённых детей. Одного за другим. Год за годом. И так до тех пор, пока сохранялась функция деторождения. И только потом измождённая множественными родами мать получала свободу. Считалось, что женщина искупила свою вину.

Но кому была нужна та, которая посмела совершить столь тяжкое преступление против Республики? И дальше её участь была ещё более незавидна. Чаще всего такую женщину прикрепляли к какому-нибудь «дому снятия напряжения». Подобные дома существовали для того,

чтобы маги, не имеющие достаточный уровень, чтобы участвовать в воспроизводстве, могли снимать скапливающееся телесное напряжение. Страна старательно и всесторонне заботилась о своих защитниках.

Николь заворочалась в постели. Уже не раз её посещали тревожные мысли. А так ли уж права была мама, когда говорила, просила, заклинала маленькую Нику никогда и никому не признаваться, что она видит? Ведь папа тоже имел такую же способность, и ему позволили жениться всего лишь с четвёртым уровнем дара. Но потом папа исчез. Исчез и старший братик Александр, который тоже видел эти проклятые магические линии.

Через три дня опять наступают «удачные дни», и Николь уже видела график. У неё запланирована встреча с государственным производителем. Три дня, всего три дня на решение. Что выбрать? Признаться? Опять предотвратить беременность? Или всё же исполнить свой гражданский долг?

Оглушающе завывла сирена. Опять учебная?

Натренированное тело действовало помимо разума. Соскочить с постели. Натянуть форменную одежду прямо поверх ночной сорочки, засунуть ноги в стоящие у порога сапоги и бежать на место, выделенное ей согласно штатному боевому расписанию. Сколько уже таких сирен было в её жизни? С самого первого дня в младшей школе, когда их учили прятаться в убежищах. Сейчас Николь не пряталась. Сейчас от таких как она, зависела целостность границы. И даже если тревога учебная, в пункте приёма пострадавших – закреплённом за Николь месте – она должна оказаться не позже чем через семь минут после начала тревоги.

Отовсюду раздавался тревожный топот множества ног. К своим местам бежали её товарищи и сослуживцы. Слышались крики, что тревога боевая. Неужели настоящий прорыв? Николь уже больше года служила в приграничном госпитале, и за это время на их участке всё было спокойно. Время от времени сообщалось об отдельных мелких поползновениях на рубежи, но доблестные хранители границы всегда с ними справлялись.

В пункте приёма пострадавших – ППП как его кратко называли все – царило возбуждение. Выяснилось, что тревога и вправду, боевая. Толком никто ничего не знал, а потому испуганные санитары и медсёстры беспокойно меряли шагами приёмную и ожидали заведующую ППП – специалиста целительской магии шестого уровня Светлану Микоеву. Пришла она только через полчаса, когда смолк вой сирены. Одним взмахом руки остановила готовые посыпаться вопросы и начала говорить.

– Это прорыв. Прорыв с нашей стороны...

Раздался общий испуганный вскрик. Прорыв изнутри мог означать, что монстры захватили детей и теперь рвутся с ними к себе.

– Да, огромный механический монстр движется от Счастьеграда к границе. Пока неизвестно, к какой именно точке, но мы должны быть готовы.

Счастьеград. Именно там росли малыши, рождённые служащими на ближайших участках границы женщинами. Значит, среди украденных могут оказаться и их дети.

– Они украли наших детей!

– Этого не может быть! Там очень хорошее убежище!

– Они не могли!

– Мы тоже должны помочь защитникам!

Паника среди персонала нарастала. Ведь у всех женщин, кроме Николь, там были дети.

– Молчать! – заведующей Микоевой не удалось скрыть проскальзывающие нотки паники. Ещё бы, она родила государству уже троих детей, и все они были в этот момент в Счастьеграде. Вернее, она очень надеялась, что там, а не в брюхе движущегося к границе ужасного механизма проклятых имперцев.

– Гражданка Светлана, – обратилась к Микоевой Мариэт – широкобёдрая грудастая медсестричка, даже при своём невысоком втором магическом уровне пользующаяся необычайной популярностью у государственных производителей, – но можно ведь телефонировать и узнать на... какой дом был налёт? И вообще, был ли он?

– Скажешь тоже, – злясь на своё бессилие, грубо осадил заведующая, – только наших звонков там и ждут! Люди делом заняты! Да и вообще, все линии тоже заняты, – безнадежно махнула рукой она.

– Я выйду на крыльцо, – сдавленно предупредил санитар Витёк – один из двух закреплённых за ППП мужчин-санитаров.

Точно, как же они не догадались? На улице можно узнать больше. И девчонки высыпали за ним. В помещении осталась только одна заведующая. Она отвернулась от своих подчинённых и, часто-часто моргая, смотрела на равнодушно молчащий телефонный аппарат, словно в его силах было дать ответ на вопрос: неужели и правда были украдены дети? И если это так, то кто?

Во дворе было темно, только фонарь над их головами тускло освещал площадку перед пунктом приёма пострадавших. Николь глянула на здание госпиталя. Горело освещение в процедурных и ординаторских, беспокойным синим огнём светились окна операционных – госпиталя готовился к приёму раненых.

– Шум. Там слышен шум! Скажите, что мне это кажется! – сдавленно прошептала Мариэт.

Никто ей не ответил. Все уже и так слышали – со стороны города приближался шум боя. Это значило, что враги приближались именно к их участку.

В напряжённую тишину госпитального двора ворвался треск мотора подъезжающего дицикла. Николь такой двухколёсный транспорт видела только в документальных фильмах, которые им показывали по выходным в общем зале отдыха. Очень хотелось рассмотреть диковинку получше, а потом рассказать об этом Коське, который был без ума от всякой новой техники, но водитель остановился вне освещённого круга, и с того места, где стояли растерянные сотрудники ППП, был виден только нечёткий силуэт.

– Что стоите? – крикнул незнакомец опешившим работникам ППП. – Живо занимайте места согласно расписанию! Кто из вас имеет наибольший целительский уровень?

– Заведующая Микоева, – честно ответила Николь.

– Отвлекать руководителя по пустякам мы не имеем права. Обычное ранение, – отрывисто пояснил приехавший, – Вот ты какой имеешь уровень? – обратился он к той, которая уже пожалела, что не успела скрыться за дверьми ППП вместе со всеми.

– Всего лишь второй, гражданин хранитель границы, – призналась Николь и собралась скрыться следом за товарищами. – Но я...

– Пойдёт! – перебил её дициклист, а потом неожиданно прикрикнул: – Быстро садись! Нужна помощь раненому!

– Мы не имеем права покидать пост без приказа, – пыталась она возразить.

– Я приказываю!

Николь и сама не поняла, почему подчинилась. Этот неизвестный не имел права приказывать работникам госпиталя, но тем не менее, она послушно села на заднее сиденье дицикла, который, громко взревев, тут же рванул со двора. Чтобы не упасть, пришлось ухватить лихого наездника за плечи. Было слышно, как тот что-то недовольно проворчал и, убрав руку с руля, переместил ладонь пассажирки себе на талию. Понятно, так будет надёжнее. Вблизи она рассмотрела, что незнакомец одет в обычную форму хранителя границы. Только... голова его была огромной и совсем без волос. По бокам, где у нормальных людей должны быть уши, у него имелись круглые наросты размером с хороший мужской кулак. От левого нароста отходил

вверх и немного назад небольшой рог. Это всё, что успела рассмотреть охваченная ужасом девушка.

Двухколёсный транспорт взревел и ещё увеличил скорость, и руки против воли хозяйки крепко обхватили незнакомца. Хотя, куда уж, Николь никогда не передвигалась так быстро. И неизвестно, что было бы лучше: погибнуть, разбившись на такой бешеной скорости или быть украденной имперским монстром. А в том, что её похитил пришелец из-за Стены, можно было не сомневаться. Злой ветер, словно обрадовавшись новой жертве, тут же растрепал впопыхах собранные волосы. Неизвестно, стоило ли радоваться тому, что спина у нарушителя границы оказалась широкой и хоть немного скрыла пассажирку от рвущихся в лицо мелких колючих льдинок.

Продвигались они не к месту, где шумел бой, и не напрямую к границе, а куда-то в восточном направлении. Что же там могло понадобиться монстрам от специалиста целительской магии? Ранен кто-то из них? Вспоминались все ужасные истории, которые девчонки рассказывали друг дружке ночами. Имперские монстры воровали детей и невинных девушек, чтобы выпить их кровь, а вместе с нею и магию.

Николь несколько раз пыталась спросить у своего водителя, куда и для чего они направляются, но онемевший язык не слушался.

Дицикл на огромной скорости проскочил контрольный пункт пропуска, от которого за ними некоторое время бежал растерявшийся постовой. Но что мог сделать пеший страж против скоростной машины? Неожиданно вернулась подвижность. Всё тело будто колело иголочками, но Николь со всей силы застучала кулаком по крепкой, словно железобетонной спине и закричала:

– Куда мы несёмся? Кто ты такой? Отпусти меня, или я сейчас спрыгну! – девушка уже собралась прыгать, но машина замедлила ход и вскоре остановилась совсем недалеко от простирающейся в обе стороны Стены.

Ночью магические потоки пограничного барьера выглядели особенно красиво: сверкающие голубыми и белыми всполохами линии хаотично переплетались меж собой – чем ближе к земле, тем плотнее. Дальше ввысь их плотность была значительно реже, но этого было достаточно для того, чтобы ни один вражеский летательный аппарат не смог нарушить родных рубежей. В сердце привычно шевельнулась гордость за величие страны и её самоотверженных граждан, сумевших создать такое чудо магической и инженерной мысли.

Монстр соскочил на землю, сдернул вырывающуюся пассажирку с сиденья, отпихнул её в сторону, а затем, не выключая двигатель, стал толкать свою двухколёсную технику к темнеющему обрыву. Последний рывок, и дицикл полетел вниз. Где-то далеко внизу обиженно смолкло тарахтение двигателя.

– Вот так-то, пусть ищут там. Прекрати орать! – резко прикрикнул похититель. – Приведёшь моего товарища в чувство, и можешь идти на все четыре стороны!

– Как же на четыре? – удивилась Николь и указала на Стену. – Там же граница! – о, свобода слова, ну какую чушь она несёт! Хотя, вдруг её примут за дурочку и отпустят? Впрочем, зря надеется.

– Верни моему товарищу сознание и иди куда хочешь, хоть в райские кущи!

Райские кущи. В Либерстэне так не говорили. Каждый ребёнок знал, что бога нет. А значит, нет ни ада, ни рая, ни тем более, райских кущ. Всё это придумали сказочники. Отпали последние сомнения. Её похититель – монстр из-за магической Стены. Нужно задержать его до выяснения. Только как? Он же огромный! По многочисленным рассказам знающих людей у имперцев имелось по четыре сверкающих глаза, полный рот острых зубов и огромные чешуйчатые шестипалые руки с когтями, как у хищников. К сожалению, ни глаз, ни рта, ни количества пальцев на руках рассмотреть не удавалось. Но лучше перестраховаться и задержать похитителя. Там, кому нужно, разберутся.

– Я... Вы... – робко начала Николь. – Гражданин, вы задержаны! Сдайте оружие! – робко пискнула она.

– Да, да, я согласен, – кивнул башкой тот и, схватив девушку за руку, потащил к темнеющей вдаль куче. Трясущиеся ноги скользили по подмёрзшей земле.

– Отпустите меня! Я уже давно не ребёнок и даже не девушка! Вам н{е}зачем меня красть!

– Девушка, юноша, мне всё равно, главное, лишь бы была целителем, – похититель подхватил сопротивляющуюся жертву и потащил дальше на руках.

– Но я не целитель, – Николь отчаянно пыталась вырваться. Здесь уж не до ареста преступника, самой бы спастись.

Монстр даже споткнулся и ошарашенно спросил:

– Как не целитель? Ты же сказала, что имеешь второй целительский уровень?! – в его голосе слышалось не только недоумение, но и угроза.

– Да, это так. Но, понимаете, я имею второй магический уровень, а в госпитале работаю не целителем, а массажистом.

– Да хоть девочкой для удовольствий, мне всё равно, кем! Главное, сделай так, чтобы мой брат очнулся! – монстр мгновение прислушался к приближающимся звукам боя и опять схватил Николь за руку.

Через пару десятков шагов они подошли к той самой куче. На стылой земле кто-то лежал. Имперец или человек?

– Лекс, ты как? – с неожиданной заботой поинтересовался монстр.

Загадочный Лекс молчал. Видимо, был без сознания.

– Действуй! – похититель подтолкнул девушку к лежащему на земле раненому.

Николь оглядела парня. Человек, вне всяких сомнений, это был человек. Рассмотреть его можно было даже при свете четвертинки луны. Самое обычное человеческое лицо и руки, только очень бледные. И никаких следов внешних ранений. Значит, пострадавший получил магический удар. Что делать? Сказать, что лечение магических повреждений подвластно только магам выше восьмого уровня? Это знали все. Но спасёт ли подобная отговорка от гнева чудовища?

Поговаривали, что специально на случай похищения особо важные персоны всегда носили с собой защиту в воротник ампулу с ядом. Сейчас приключился как раз такой случай. Николь обязана была покончить с собой, но не даваться в руки врагов. Но она не была особо важной персоной, и яда в коротком воротнике-стойке её форменной одежды не имелось. Что же делать? Ведь... она могла. Могла помочь этому парню.

Николь была не просто целительницей. Она видела магические потоки, в том числе и магические потоки живых существ. Не просто видеть, но и управлять ими. Что здесь? Видимо, после полученного магического удара вся энергетика в организме парня перемешалась. Если не помочь прямо сейчас, бедняге осталось совсем немного, два часа от силы. Но ведь это человек! Не монстр. И Николь повернулась к своему сопровождающему.

– Уложите пострадавшего на спину и разденьте! – приказала она.

– Только без глупостей, крошка, – не сдержался похититель, впрочем, он быстро исполнил указания.

– Брюки не нужно! – успела остановить рьяного помощника целительница, когда тот взялся за ремень.

– Не нужно, значит, не нужно, – покладисто согласился тот.

Николь ещё раз осмотрела лежащего на земле парня. Как же разобраться в этом месиве линий? На протяжении всей её жизни энергетические потоки мельтешили перед глазами. И она знала, как выглядит энергетика здорового мужчины. Но ведь Николь не учила управлять этими потоками! Впрочем, не стоит лгать самой себе. Ведь, делая массаж пациентам, она изредка

поправляла их энергетику, и все восхищались её золотыми руками. А дело было не только в массаже. Но это её самая страшная тайна.

Итак, что здесь у нас? Линия позвоночника – самая главная, от неё идут остальные. Выпрямить, соединить здесь и здесь, подпитать энергией. Достаточно. Дыхание слабое – задеты потоки головного мозга. Страшно, никогда в них не лезла, но сейчас придётся, ведь она знает, как должно быть. Вот так, дальше уже опасно. Вот и задышал ровно. Дальше уже будет легче. Сердце, почки, немного печень.

– Репродуктивную систему будем трогать? – Николь повернулась к напряжённо молчавшему монстру. Прямо ей в лицо смотрела странная железная штука, очень похожая на пистолет.

– Что? – тот даже не попытался скрыть оружие.

– Задеты все органы, в том числе и репродуктивная система, я и спрашиваю: всё лечить? – нужно тянуть время. Скоро должна подоспеть помощь.

– Репродуктивную систему оставим на потом, – раздалось с земли.

– Лекс, ты пришёл в себя! Наконец-то! Как ты? – бандит мгновенно оказался на коленях возле пострадавшего.

– Сколько у нас времени, Макс? Ты говорил с Конором? – спросил названный Лексом.

– Да, он сказал, что не более чем через полчаса будут здесь, – надо же, монстр имеет простое человеческое имя Макс.

– Помоги подняться.

Похититель бросился на помощь. Он не только помог подняться слабому человеку, но и заботливо надел на него рубашку и форменный китель хранителя границы и даже застегнул все пуговицы, а затем обеспокоенно спросил:

– Ты как, сможешь?

– А у нас есть иные варианты? – больше утверждая, нежели интересуясь, отозвался Лекс. – Будешь держать меня. А я буду... работать.

Кажется, враги забыли про похищенную целительницу. Самое время скрыться. Если она будет бежать очень быстро, то успеет привести сюда хранителей. Настоящих хранителей границы, а не этих... переодетых перевёртышей. Даже удалось сделать несколько шагов. Ещё немного, и можно будет скрыться в гостеприимной ночной тьме. Благо, хмурые тучи надёжно затянули небо. Но со стороны имперцев послышалась ругань, а затем раздался хлопок, и около ног Николь подскочили мёрзлые земляные комья. Что? Неужели они стреляли? Захотелось упасть на землю и закрыть руками голову. Разум понимал, что это не поможет, но иррациональный страх велел действовать именно так.

– Ты куда так торопишься? – раздался ненавистный голос.

– Я? Но... я же уже не нужна, – попыталась оправдать попытку бегства Николь.

– Не спеши, детка, подожди ещё немного, – и Макс сделал приглашающий жест рукой с зажатым в ней пистолетом.

Пришлось следовать за ними. Имперцы подошли почти вплотную к Стене, до неё оставалось не более полутора десятков шагов. Вблизи искусственно сооружённый барьер виделся как причудливое переплетение магических линий. Но таким его могли видеть только маги с уровнем выше девятого. Или такие, как Николь, которым эта способность была дана от рождения. Для остальных Стена была невидимым, но непроходимым препятствием. При попытке проникнуть сквозь подобную магическую преграду человек ли, имперский ли монстр, или же случайно забредшее неосторожное животное получали сильнейший магический удар, очень похожий на удар электрическим током. С такими же последствиями.

К нему-то и приблизились имперцы. Неужели попытаются проникнуть через Стену? Промолчать, и пусть идут? А вдруг, они для того и тащат за собой похищенную целительницу, чтобы послать её первой? Надеются, что в Стене случайно найдётся прореха? А что? Случа-

ется и такое. Николь даже видит одну из них. Показать это слабое место и надеяться, что враги оставят её в покое?

Как же хочется жить. Вспомнился Коська. Где он сейчас? Ищет её или торопится к месту собственной службы? А ведь если бы не противилась, то могла бы, как соседка по комнате Побед{и}на, сейчас носить под сердцем ребёнка и быть в безопасности. Республика с большой заботой относилась к будущим матерям.

Николь тихонько всхлипнула. Слезы против воли застилали глаза, и девушка не сразу заметила, что замеченная ранее прореха в магической Стене расширяется. Что? Как это возможно? Присмотревшись, похищенная целительница обнаружила, что парень, которого звали Лекс, работает с магическими потоками. На руках мага были надеты толстые перчатки, и он быстро и со знанием дела расплетал защитный слой. Названный Максом стоял за спиной товарища и крепко держал его. Пытаются увеличить дыру и сбежать?

Этот момент можно использовать. Можно тихонько скрыться – имперцы не смогут отвлечься, можно подбежать к ним и толкнуть со всей силы, и тогда враги впечатаются прямо в Стену. Первый похититель, словно услышав её мысли, медленно повернул свою огромную башку и отчётливо произнёс:

– Не смей! Стой на месте!

И испуганная целительница замерла, с изумлением и даже восторгом наблюдая, как расширяется проём в неприступной и непроходимой Стене. В него уже свободно могли пройти не только эта жуткая пара, но и всадник на лошади, а Лекс всё продолжал расширять дыру.

И тут Николь поняла. Эти двое готовят проход для транспорта, который движется от Счастьеграда. Транспорта с похищенными детьми. Она должна помешать! Даже ценой собственной жизни! Сейчас, сейчас. Но ноги словно налились свинцом. Наваждение. Или ментальный приказ? Монстр отдал ей ментальный приказ! Значит, и на дицикле её подчинили против воли. Как учили поступать в подобных случаях? Покориться и ждать? Но ведь это следовало делать тогда, когда приказ отдавали вышестоящие маги, руководители, то есть те, кто имел на это право. А сейчас подобное сделал враг.

Злобный ветер старательно перемешивал бегущие по щекам слёзы с холодными крупинками снега, а Николь продолжала стоять и смотреть, как враги рушат защитную Стену. За спиной послышался шум. Кажется, сюда приближается крупный транспорт. Неужели, пришла помощь? Наконец-то. С трудом повернув голову, несчастная заметила, что прямо на неё несётся огромный мобиль, больше похожий на бронированный дирижабль. Она никогда не видела и даже не слышала о таких. Значит, именно для него имперцы открывали проход, именно в этом металлическом монстре находятся несчастные похищенные дети. Если бы можно было броситься на него и телом помешать свершиться непоправимому. Но что может сделать жалкое девичье тело против огромной махины? Николь даже в сторону отойти не в состоянии. Вот и всё. Сейчас закончится её жалкая и бесславная жизнь.

– Что ж ты стоишь на пути, дура! – крикнул Макс и, оставив товарища, прыгнул на девушку, буквально сбив её с ног.

Сопровождаемый отчаянным треском далёких пока выстрелов, огромный металлический монстр проплыл совсем рядом. В каком бы ступоре не была Николь, но она отметила, что вражеский мобиль не касается земли. Значит, и правда, дирижабль, только летает очень низко, на высоте меньше человеческого роста.

Переполненный жуткими впечатлениями мозг хладнокровно фиксировал детали происходящего. Вражеский мобиль-дирижабль пересекает границу, оседает на землю обессилевший Лекс, его товарищ бросается к нему и, подхватывая на руки, тащит к быстро сужающемуся проёму. Они уже почти пересекли границу, осталось совсем немного. Николь даже приподнялась, чтобы лучше рассмотреть происходящее и, если появится возможность, помешать.

Спину прошила жгучая боль. Неужели в неё выстрелили свои же? Монстр Макс оборачивается на крик. Видит, как падает его невольная жертва. Даже в темноте Николь кажется, что она ощущает его растерянный взгляд. Угасающее сознание отмечает, как имперец переводит товарища через барьер, осторожно усаживает его на землю и разворачивается.

Глава 1

Мама опять ночью плакала. Последнее время мама часто плакала. Нет, она не показывала своих слёз, слёзы можно спрятать в подушку, но невозможно скрыть опухшее от них лицо. Девочка уже и забыла, когда мама смеялась. А ведь было такое время, Ника помнила, пусть она и была совсем малышкой. В том времени с ними были папа и старший братик Александр, Сашенька, как его ласково звали родители или Саса, как могла выговорить младшая сестрёнка. Сейчас она могла сказать и Сашенька, и Александр, только вот звать таким именем было некого. Пропал их Сашенька. Вот уже месяц как пропал. И больше года нет вестей от папы.

Когда-то у них была настоящая полноценная семья. А всё потому что у папы – специалиста универсальной магии четвёртого уровня Николая Николаева – был редкий дар – он мог видеть магические линии. Папа не просто мог их видеть, но и работать с ними. Что здесь странного, спросите вы? Да всё! Не каждый маг выше девятого уровня мог их видеть, а уж работать с неуловимыми магическими потоками могли вообще единицы.

Разрешение жениться на маме – специалисте целительской магии второго уровня – папе подписывал сам Секретарь Высшего Совета Республики. Так высоко оценила страна папины заслуги. Ведь Николай Николаев был одним из тех, кто внёс неопенимый вклад в укрепление границы с вражеской Империей – территорией, откуда на мирное государство рвались ужасные монстры. Монстры воровали детей и невинных девушек и утаскивали их к себе в логова. Участь похищенных была незавидна. На создание и поддержание Магического Заградительного Барьера со страной жутких монстров тратилось много материальных ресурсов и физических и магических сил. Но оно того стоило – мирные жители Либерстэна могли жить спокойно. Относительно спокойно.

Служить на границе считалось большой честью для любого мага. Честью и ответственностью. Барьер нужно было поддерживать в рабочем состоянии, а потому многие тысячи магически одарённых жителей Свободной Республики отдавали ему свои силы. Только благодаря этой самоотверженности защитников мирные жители могли жить и плодотворно работать.

Папа Ники честно выполнял свой долг. А потом папа пропал. Семье так и не сообщили, как это случилось. Маме пришло казённое письмо с сухими холодными строчками: «Николай Николаев пропал без вести». Затем следовала дата написания письма и неразборчивая подпись. И всё. Ни где пропал папа, ни как это случилось, ничего. Даже пенсии на малолетних детей не назначили. Как будто он не служил своей стране.

Но мама держалась. Ей было ради кого жить. Правда, она стала отчаянно бояться за Сашеньку, у которого проявился такой же дар, как и у отца – всего при втором магическом уровне Александр тоже мог видеть магию. Видеть и управлять её потоками.

– Мама, я выучусь и обязательно найду папу! Вот увидишь! Я помню его матрицу. Я смогу!

А потом было нападение на интернат города Лебяжье, где жил и учился Александр Николаев. И в числе восемнадцати детей, украденных ненавистными монстрами, оказался их Сашенька. Вот тогда мама и сломалась. Сначала она пыталась сдерживать рыдания, не хотела пугать четырёхлетнюю дочь, но ночью, когда Ника заснула, горе прорвалось наружу, и мама зарыдала. Она не просто рыдала, она выла.

– Мама, мамочка, не надо. Мамочка, мне страшно! – разбуженная девочка прибежала в спальню к маме и испуганно жалась у двери. – Мама, пожалуйста!

Но мама не видела её. Она вообще ничего не видела. И тогда дочь подошла к маме, положила руку ей на голову и стала тихонько гладить по спутанным волосам маленькой ладошкой, как всегда делала мама. И женщина стала успокаиваться. Сначала затих безнадёжный отчаян-

ный вой, потом закончились и всхлипы. К тому моменту, когда в их дверь постучали вызванные обеспокоенными соседями целители, мама уже умылась и смогла сказать, что с ней всё в порядке.

А потом был серьёзный разговор.

– Как ты смогла это сделать? – спросила Аделаида Николаева свою малышку-дочь.

– Что сделать, мама? – Николь забралась под одеяло к мамочке и крепко к ней прижалась.

– Ты смогла прекратить... остановить... ты успокоила меня, дочка, – кое-как подобрала слова мать.

– Я не знаю. Я видела, что твоя голова вся-вся красная, как будто в огне. И я... ну, не знаю как, но я очень хотела, чтобы красного в твоей голове не было!

– А сейчас? Ты это видишь и сейчас?

– Нет, сейчас твоя голова не красная.

– А какая, нормальная, да? – Аделаида напряглась.

– Нет, не совсем нормальная. Нормальная она у тебя зелёная. Ну, не сама голова, а... в ней. Я не знаю, как это объяснить, мамочка, – с сожалением вздохнула Ника.

– А... у других? Какого цвета голова у других?

– У магов? Бывает зелёная, а ещё синяя или фиолетовая или, но это редко, как солнышко. Ну, и другие ещё бывают, я не знаю, как те цвета называются. А те, кто не маги, у них тоже голова другая. Да люди вообще все разные, ты и сама знаешь. И цвета у всех, как лица, разные, вот!

– Николь, ты уже взрослая, – мама уселась в кровати и сгребла в охапку девочку, как будто бы кто-то пытался отобрать её, – и ты сейчас должна пообещать мне одну вещь. Ради нас с тобой! Ради памяти папы и... Александра! Обещай!

– Да, мамочка, что я должна обещать? Я уже не хожу босиком по лужам. И снег зимой есть не буду. Я уже взрослая!

– Да, ты у меня совсем-совсем взрослая, моя хорошая, – женщина укутала дочь в одеяло и стала раскачиваться взад и вперёд. – Но сейчас ты мне пообещаешь совсем другое. Обещай, что никогда и никому не скажешь, что видишь эти проклятые магические потоки! Это несёт только горе. Папа их видел и пропал. Сашенька наш их тоже видел и... За что? За что нам это с тобой?! – в мамином голосе опять послышались слёзы.

– Мама, мамочка, я обещаю! Я никогда и никому не скажу про это. Ты только не плачь, мамочка! Я тебе всё-всё обещаю!

Аделаида ещё много-много раз напоминала дочери, что никому и ни при каких обстоятельствах нельзя говорить про свой дар. Дар, превратившийся для их семьи в проклятие. И когда в шесть лет маленькая Николь Николаева проходила свою первую проверку на наличие магического дара, на вопрос, видит ли она магические потоки, девочка уверенно ответила: «Нет!» Её спрашивали разные люди и много раз, но ответ был всегда одинаков. В итоге у девочки определили первый магический уровень со склонностью к целительской магии и направили учиться в интернат для магически одарённых детей.

Все дети, у которых обнаружился магический дар, поступали на обучение в такие интернаты. Там они учились общим наукам, а ещё развивали свой дар. Каждый год будущие маги проходили тестирование, которое и определяло их уровень. Как правило, дети наследовали уровень силы родителей. Чем больше магическая сила родителей, чаще всего, отца, тем выше вероятность, что ребёнок родится одарённым. Почему государство тратило ресурсы на магическое обучение слабо одарённых девочек? Каждая девочка рано или поздно вырастет. И станет матерью. Матерью сильных магов. Это её право и почётная обязанность. Если магический уровень женщины ниже седьмого, и она не получила право самостоятельно выбрать

партнёра, она может родить детей от магически сильных мужчин. И тогда её дети послужат на благо Свободной Республики Либерстэн.

В интернате, в который поступила на обучение маленькая Николь Николаева, учились не только «домашние» дети, то есть дети, которые росли с родителями, но и «государственные» – дети, рождённые женщинами от сильных магов. Такие малыши с самого момента рождения находились на попечении государства. Они не считались сиротами. У каждого были своя мать и отец. И многие из них регулярно навещали своих отпрысков. Но заботливое государство избавляло занятых родителей от тяжёлого труда по воспитанию, брало на себя все заботы и расходы. И освобождённые от тягот воспитания и содержания детей родители могли продолжать свободно трудиться на благо Республики. Мужчина – применяя свои способности, а необременённая старшими детьми женщина – работая на своём поприще и вынашивая следующего будущего мага.

Николь, конечно же, ходила в детский сад, и там с удовольствием общалась с другими такими же «домашними» детьми. Но жизнь в интернате преподнесла свои сюрпризы. «Государственные» дети были злее и хитрее. Они могли поставить исподтишка подножку, дёрнуть за косу, отобрать конфету или печенье, выданные на полдник. И всё без объяснения причин. Девочка никак не могла понять, зачем они так поступают, ведь она никому из них ничего плохого не делала. В первый же родительский день, когда мама приехала навестить, Ники слёзно умоляла забрать её домой и отправить в школу для простых детей. Как несправедливо: в закрытых интернатах держали только магически одарённых, обычные дети ходили в обычные школы и продолжали жить дома.

– Малышка, – чужим, каким-то не родным голосом, начала мама, – тебе выпало большое счастье иметь магию. Только здесь ты можешь всесторонне развить свой дар и стать впоследствии полезным членом нашего общества. Ты сможешь, я верю. И помни... я люблю тебя, и я всегда с тобой.

Девочке показалось, что мама хотела напомнить ей совсем про другое, но под внимательным взором гражданки воспитательницы Надежды сказала именно это.

– Я помню, мама. Я помню.

А потом было изрезанное кем-то из девчонок форменное казённое платье. Николь пыталась его заштопать, но весь класс только обидно смеялся над неумело стянутыми суровой ниткой огромными круглыми дырами. И в субботу, когда все-все дети отправились вечером смотреть диафильмы, Николь не взяли. Она была наказана. Можно было кричать и плакать, но что бы это изменило? Обидно, да. Но вдруг, права Светка Луценко и она сама встала ночью и изрезала платье? Говорят, у слабых магов случаются такие ночные похождения.

Сидеть в общей спальне с четырнадцатью одинаковыми кроватями, заправленными одинаковыми серыми одеялами, было скучно. И в постель нельзя ложиться раньше времени, да и перед сном будут давать сладкий кефир. И пусть не разрешили пойти со всеми в актовый зал, но в коридор-то выйти можно? Находиться одной во всегда шумной спальне было страшно. Гражданка воспитательница Нина оставила гореть один совсем слабенький ночник. Вспомнились все страшные истории, которые старшие девчонки рассказывали поздними вечерами. А вдруг в комнату незаметно пробрался имперский монстр и сейчас спрячется под одной из кроватей? Николь в ужасе подбежала к двери и со всей силы её толкнула. Дверь обо что-то стукнулась, и послышалось жуткое шипение. Неужели монстры поджидали в коридоре? От ужаса девочка не смогла даже пискнуть. Вот и всё. Сейчас её украдут и выпьют всю кровь.

– Ты чего дерёшься?! – послышался возмущённый голос.

– А? Что? Я не дерусь. Ты не монстр? – Николь с опаской разглядывала рыжего мальчишку года на два старше её самой, осторожно потирающего ушибленный лоб. Кажется, именно его она ударила дверью.

– Какой же я монстр, – снисходительно ответил он, – я Костик. А ты кто?

– Я Николь, но все зовут меня Ники или Ника. Я живу в этой комнате и учусь в первом классе.

– Ники, значит. А почему ты не смотришь диафильм?

– Я наказана, – признаваться очень не хотелось, но и так понятно, почему она не вместе со всеми. И у Костика про то же самое можно не спрашивать, всё написано на его проказливой физиономии. – Ночью я изрезала своё форменное платье, – и Николь тяжело вздохнула.

– Изрезала платье? Но зачем? – новый знакомый подвёл девочку к небольшому старенькому диванчику, обитому потрескавшимся дерматином, усадил на него и плюхнулся рядом.

– Я не помню, – и опять последовал тяжёлый вздох. – Светка Луценко говорит, что со слабыми мамами такое бывает.

– Врёт. Это я тебе точно говорю, врёт, – уверенно заявил Костик. – Я учусь с Луценкой в одном классе и хорошо её знаю. Врунья и вредина! Сама же, небось, и изрезала твоё платье.

– Но зачем? Какая ей от этого выгода?

– Ты же «домашняя», да? – глянул исподлобья он.

– Ну да, до школы я жила с мамой, а что?

– Не любят наши «домашних», – хмуро пояснил рыжий.

– Но почему?

– А, долго пояснять, – Костик как-то безнадёжно махнул рукой, но потом напустил безразличный вид и признался: – Завидуют.

– Завидуют? Но почему?

– У «домашних» есть мама и папа, есть дом, а у нас, «государственных», этого нет.

– Но как же нет? Я же видела, и к «государственным» приезжают родители?

– Не ко всем. К Луценке мать давно не приезжала. А... ко мне – вообще, ни разу, – сдавленно признался Костик. – И отец ни разу не приезжал. Я их даже не знаю. Только имена и фамилии.

– А знаешь, – Николь так захотелось пожалеть этого рыжего мальчишку, но она не знала, как это сделать, не по голове же гладить, – у меня совсем нет папы, он пропал. А брата украли монстры, вот. И мы остались с мамой вдвоём. Косък, – само собой получилось сократить имя нового знакомого, – а хочешь, я попрошу маму, и ты станешь моим братом, а?

– Так нельзя, – мальчишка задумчиво почесал взлохмаченную рыжую макушку, – вдруг... вдруг мои мама или папа найдут меня. Может, они важное государственное задание выполняют и не могут сейчас приехать!

– Да, как же я не подумала.

– А знаешь, – Костик даже подскочил с диванчика, – я понял, ты хорошая. И если уж я не смогу стать тебе братом, то женюсь на тебе, вот!

– Женишься? А какой у тебя уровень?

– Пока третий, – нехотя признался он. – Но я буду тренироваться, и скоро получу четвёртый, а там и до восьмого недалеко!

В тот вечер верилось в каждое слово, сказанное новым другом. И в то, что он легко достигнет восьмого уровня, и в то, что они поженятся, и в то, что противная Светка Луценко будет наказана. Никто никогда не узнал, кто же прямо в классе залил Луценке все тетради, и даже дневник содержимым ночного горшка. Коська не признался даже Николь, он лишь многозначительно улыбался и говорил, что никому не даст свою невесту в обиду.

Ещё одной особенностью «государственных» детей являлось то, что они рано учились драться. И пусть воспитатели рассказывали, что все-все люди братья, драки в интернате случались постоянно. Начиналось всё с малолетства и первого дележа игрушек, у старших детей возникали более серьёзные разногласия, чаще всего из-за родителей. Легко было оскорбить того, кто своих ни разу не видел. Но и получить за это тоже было легко. Рыжего Костика давно уже никто не дразнил. Ни за то, что он рыжий, ни за то, что к нему не приезжают родители.

Даже дети на два-три года старше его знали, что Бешенный Рыж, как его звали за глаза, обязательно кинется в драку. Мало того, что дрался тот умело, ещё и отвечать придётся, как старшему. Видя, что маленькая серая мышка Николаева взята им под опеку, досаждать перестали и тихой домашней девочке – себе выходило намного дороже.

А для Николь началась новая жизнь. Коська был большим искателем приключений и неутомимым выдумщиком. Он рассказывал, что непременно станет сильным боевым магом и избавит весь мир от монстров.

– Вот увидишь, мы их обязательно завоюем! – хвастал он перед маленькой подружкой в их «тайном» шалаше-убежище в зарослях лопухов, что раскинулись в дальнем конце интернатского двора.

– Завоюем? Но зачем нам монстры?

– Монстры нам не нужны. Мы их уничтожим или спрячем в клетки, как в зоопарке. Помнишь, мы были в зоопарке? Вот и монстров туда же!

– И их маленьких детей? – Николь широко раскрыла глаза.

– Детей? Думаешь, у них есть дети?

– Не знаю, – девочка неуверенно пожала плечами, – думаю, у всех есть дети.

– Детей перевоспитаем! – уверенно ответил рыжий друг. – Наша воспитательница гражданка Надежда хвалится, что любого может перевоспитать! Вот и займётся ими!

Николь улыбнулась. То, что гражданке Надежде придётся заниматься с монстрами, пусть и с детьми, было приятно.

– Коська, а что потом, когда завоюешь Империю?

– А потом мы с тобой поженимся и поедem к морю!

– К морю? Но зачем? Там же вечные льды!

– В тот-то и дело, мы поедem не к нашему Ледовому морю, а к тёплому! Я слышал, там, за Стеной есть такие моря, на которых совсем нет льда, и в них, представляешь, такая тёплая вода, что можно купаться, как в нашем бассейне летом! Эти моря огромные-огромные. Глубокие-глубокие. И по ним ходят белые дирижабли, только по воде, вот!

– Скажешь тоже, дирижабли – и по воде, да ещё и белые. Белых дирижаблей не бывает! – недоверчиво покачала головой Николь.

– А вот и правда! Ты что, мне не веришь?

Николь засмушалась. В то, что Коська легко завоюет Империю, она верила. Ведь не зря же с ним никто не хочет связываться. Но вот чтобы в одном месте было столько воды, чтобы мог поместиться огромный дирижабль?..

– А знаешь, Ники, давай прямо сейчас отправимся к морю! – неожиданно предложил Костик.

– К морю? Но зачем? Там же лёд и холодно!

– Эх ты, мы пойдём к тёплому морю! Мы с тобой не такие огромные, как взрослые, проберёмся через магический барьер в Империю, нас и не заметят! Сходим к морю, накупаемся, посмотрим на те самые дирижабли и быстро вернёмся обратно. Будем идти ночами и собирать сведения. Разведчики всегда должны собирать сведения! Потом расскажем их нашему командованию, и нас с тобой не будут ругать, а даже наградят, вот! Это же будет настоящий подвиг!

– А что мы будем есть?

– Будем пробираться лесами. Я читал в книжке, все разведчики так делают: живут в лесах и питаются грибами, орехами и ягодами. А ещё я сделаю настоящий лук и буду охотиться! Эх, вот спички раздобыть бы где-нибудь! Только ты никому не рассказывай про наш план, это тайна. Ты умеешь хранить тайны?

Николь кивнула. Хранить тайны она умела.

Побег решили не откладывать – путешествовать удобнее в тёплое время года. По случаю празднования Дня Свободы Республики родители разобрали «домашних» детей по домам. Все три дня Николь не отходила от мамы. Мама тяжело вздыхала и почему-то украдкой вытирала слёзы. Неужели чувствовала предстоящую разлуку? Ничего, вот вернётся её дочь героем, и мама больше никогда не будет плакать, а только гордиться. Покидать дом и единственного родного человека было очень тяжело, но так хотелось совершить подвиг во имя Республики. Ну, и посмотреть на море тоже хотелось. Дома удалось незаметно стащить пару коробков спичек. Экспедиция к тёплому морю была почти готова.

Отправляться решили в ночь на воскресенье. Коська предусмотрел всё. В субботу гражданки воспитательницы позволяют себе немного «расслабиться» в отсутствии начальства, а для этого раньше разгоняют по комнатам детей и почти не проверяют их. Учёл будущий разведчик и то, что луна превратилась в тоненький серпик – в темноте легче затеряться. Костик даже сухарей насушил из утаённого за обедами хлеба и расшатал пару досок в высоком заборе недалеко от их убежища.

Отправляться в неизвестность было боязно. Поддерживала Николь только вера в то, что делают они это ради Республики.

Объявили отбой. Девчонки забрались в кровати и вскоре тихо засопели. Маленькая беглянка дождалась, пока заснут все, и выбралась из-под одеяла. Она быстро оделась в удобный спортивный костюм и ботиночки и выскользнула за дверь. На случай, если кто-нибудь заметит, Коська подучил отвечать, что направляется в туалет, но к счастью, по дороге не встретилось ни детей, ни взрослых. Первые, как и положено, спали. А вторые – {расслаблялись}, хоть и не положено, да кто ж про то узнает?

Коська уже ждал, спрятавшись под диванчик в коридоре. В руках будущего героя был сделанный из майки и верёвок рюкзачок, лицо же было обвязано полотенцем по самые глаза.

– А полотенце-то зачем? – прошептала Николь, когда они выскользнули за дверь.

– Как зачем? Чтобы никто не узнал! Жаль, что мне это поздно пришло в голову, и мы не догадались и тебе сделать такое же! Ну да ладно, не возвращаться же. Будешь прятаться за моей спиной! Боишься?

– Ну да, немного, – смущённо призналась девочка.

– Не бойся, ты же со мной, – покровительственно ответил Костик и, взяв её за руку, уверенно повёл к выломанным в заборе доскам.

– Свобода! – радостно шепнул парнишка после того, как они оказались за оградой, и раскинул руки. – Чувствуешь, как она пахнет?

– Как? – Николь не заметила, чтобы запах за забором интерната отличался от запаха во дворе.

– Эх, ты. Это же из книги Обретение Свободы! Там наши герои сбежали из вражеской тюрьмы, и командир Влад сказал эти слова своим друзьям!

– Но мы же не из вражеской тюрьмы сбежали?

– Нет, – согласился Костик, – но скоро мы тоже станем героями!

– А-а, ну если так.

Они успели перебежать площадь и скрыться в тени парковых деревьев, когда обернувшаяся на здание ставшего таким родным интерната Николь тихо вскрикнула и показала осуждающе глянувшему Костику на тёмное нечто, опускавшееся прямо во двор.

– Что это?! – сдавленно спросила она.

– Это? Эм-м, не знаю, – кажется, Коська впервые растерялся. – Очень похоже на дирижабль. Но дирижабли никогда не опускались во дворе нашего интерната. Может, на нём папа к кому-нибудь прилетел? Да, точно! Раньше не мог, потому что работал разведчиком, а сейчас выполнил свой долг и прилетел. А ночью – потому что ему опять нужно скоро улететь и совершать другой подвиг. Эх, как же неудачно мы собрались. Придётся вернуться!

– Коська, – на глаза Николь навернулись слёзы, – я не пойду! Там нет твоего папы. Там имперские монстры, я знаю. Коська, они уже украли моего братика! Я боюсь, они прилетели за нами! – девочка зарыдала в голос.

– Тихо ты, нас могут услышать! – парнишка прижал голову подружки к своей груди, чтобы приглушить её рыдания. Эх, если бы не нужно было тебя защищать, я бы пошёл и разобрался с ними!

– Нет! Костя, Костечка, пожалуйста не оставляй меня одну! – Николь крепко вцепилась в лацканы лёгкой курточки друга. – Коська, они и тебя украдут!

Пока беглецы спорили, дирижабль тихо поднялся со двора и, медленно набирая скорость, исчез в ночной тьме. Костик надолго замолчал. Он думал. Николь не мешала. У неё думать не получалось. Все размышления перебивала одна мысль, ввергающая её в ужас: неужели это и правда были имперцы? И сейчас они уже пьют кровь похищенных детей? И... только случайность спасла их с Коськой от участи тех, кто остался? Друзей было жалко. Милую тихую Линду. Болтушку Веронику. Даже противную Светку Луценко было жалко. Их украли так же, как и братика Александра.

За забором раздалась первые крики. Здание и двор интерната осветились огнями так, как не сверкали в самые большие праздники. Паника нарастала. Вдалеке послышались сирены, и вскоре вся улица была заполнена машинами полиции и службы Магического Контроля. Теперь можно было не сомневаться – на дирижабле действительно были враги.

– Ну что, пойдём? – очнулся от раздумий Коська.

– Но как же? Там же...

– Ники, теперь нас точно не будут искать! – возбуждённо стал доказывать рыжий друг. – Все решат, что нас тоже похитили, и мы спокойно доберёмся до границы и совершим подвиг!

– Все? И мама?! – ужаснулась Николь.

Вспомнилось, как плакала мама, когда узнала, что пропал Александр. Что же с ней будет, когда узнает про исчезновение дочери? Костик неуверенно топтался рядом. Он знал, как сильно его подружка любит свою маму. И что мама тоже очень любит Николь. Если бы его кто-нибудь любил так же...

– Да, – он взлохматил и без того растрёпанные вихры, – твоя мама будет переживать. Пойдём! – Костик взял девочку за руку и решительно направился к дырке в заборе, через которую они совсем недавно покинули интернат.

Пробраться в свои комнаты незамеченными не удалось. Вся площадь вокруг интерната была оцеплена сверкающими тревожными красными огнями государственными машинами. Сначала детей хотели прогнать, как и других взявшихся невзвесть откуда среди ночи любопытствующих зевак. Костик кое-как убедил серьёзных дядек, что они живут в этом самом интернате. И тогда началось. Детей провели в кабинет директора гражданина Вачека, находящегося тут же и сидящего на неудобном жёстком стуле в центре собственного кабинета. За столом гражданина директора сидел незнакомый мужчина в тёмной красивой форме со значком государственного специалиста магии одиннадцатого уровня на груди. Гражданин Вачек часто закивал головой, подтверждая, что да, это воспитанники его учреждения.

Строгий гражданин молча повёл подбородком, и гражданина Вачека так же молча вывели из кабинета. А потом появилась тётенька в такой же чёрной форме и вывела Николь следом за гражданином директором. Только повела её не в спальню, а в игровую комнату, где они и остались вдвоём. Через некоторое время к ним зашёл дяденька с подносом, на котором стоял огромный стакан молока и три вазочки – с печеньем, с конфетами и с фруктами. Такого богатства Николь никогда не видела.

– Ты ешь, – пригласила тётенька, – это всё тебе. Если хочешь, поиграй.

Впервые в распоряжении Николь были сразу все игрушки: и огромная кукла, которая умела говорить «мама», и мячик, и все-все кубики и даже машинки и качели, но играть почему-то не хотелось. Хотелось оказаться рядом с мамой и сообщить ей, что всё в порядке.

– Что-то хочешь ещё? Кашу, суп, в туалет? – заботливо спросила тётенька.

Какие каша и суп? Удивительно, но даже конфет не хотелось. Разве что одну только попробовать и незаметно спрятать в карман яркий фантик, а то никто не поверит, что Николь всё это давали. Ну, и ещё те странные зелёные ягоды, которые плотно-плотно сидят на небольшой веточке. И в туалет.

Девочка уже почти заснула, устроившись прямо на коврик, когда в игровую зашёл Коська в сопровождении ещё одной посторонней тётеньки.

– Ты не бойся, ругать тебя не будут, – успел сказать он, после чего Николь быстро вывели за дверь.

Странно, гражданина Вачека по-прежнему не было в его кабинете. А ведь он никому не позволял находиться там без него. За директорским столом сидел всё тот же дяденька в чёрной форме.

– А где гражданин Вачек? – решила спросить Николь.

– Он вышел, – дяденька сказал это таким тоном, что расспрашивать о гражданине директоре сразу расхотелось, – но мы можем поговорить и без него. Ты мне расскажешь, почему вы оказались за воротами интерната?

На столе, как помнила Николь, всегда заложенном важными бумагами, сейчас было почти пусто. Вернее, там лежал косякин самодельный рюкзак и их нехитрый походный скарб: сухари, стасенные из столовой ложка и металлическая кружка, два коробка спичек и карта, вырванная предусмотрительным Костиком из какой-то книги о путешествиях. Значит, рыжий друг признался, что они хотели отправиться на море и совершить подвиг. И Николь рассказала всё, что знала. Дяденька и правда не ругал её ни за то, что сбежали, ни даже за украденные ложку и кружку. Он лишь махнул рукой. Зато много раз расспрашивал про дирижабль, который они видели. И какой он был, большой или нет, и как шумел, и был ли на нём свет, и видела ли Николь каких-нибудь людей, а может, слышала что-нибудь? А может, она заметила что-то особенное? Это в темноте-то, да из-за забора? Даже такому доброму дяденьке, предложившему ещё конфет и даже настоящую газировку, Николь не призналась, что видела странные магические линии, опоясывающие весь дирижабль. Ведь мама просила.

Дяденька спрашивал и спрашивал. Надо же, какой непонятливый. Неужели Костик не смог объяснить? Николь устала и давно клевала носом. Наконец её отпустили. Правда, отвели не в ту спальню, где она жила с подругами, а опять в игровую комнату, где уже стояли две кровати, на одной из которых мирно посапывал Костик, а на стуле сидела одна из тётенок в форме.

Утром их подняли совсем чужие люди. Ни одной из старых воспитательниц дети больше не увидели. Ни директора гражданина Вачека, ни строгой воспитательницы гражданки Надежды, ни доброй нянечки Таисьи, которая дежурила в ту самую ночь, ни завхоза, ни толстой поварахи, никого. Зато совершенно неожиданно через три дня в интернат приехала мама. Она крепко-крепко обнимала дочь, украдкой вытирала слёзы и говорила, что очень её любит. И Николь поняла: она уже не может сбежать к морю. Мама этого не перенесёт. Всё время, пока мама и Николь были вместе, с ними в комнате находилась одна из тётенок в чёрной форме.

Наутро оставшимся детям пояснили, что их интернат {реорганизуют}, а все воспитатели и сорок два воспитанника младших классов переехали в другое учреждение. Ничего странного. Такое случалось и раньше. Правда, в другие интернаты переводили чаще всего по одному, и дети о переводе знали заранее, обычно это случалось по просьбе родителей, переезжающих на другое место службы и не желающих быть далеко от своих чад.

Вообще, эти дни были какими-то суматошными. Не было никаких занятий, а беглецов ещё много раз спрашивали какие-то люди. Спрашивали по-разному, но всё время об одном и том же – о дирижабле. А потом приехал ещё один дяденька. Он ласково поговорил с Николь, и она стала забывать. И вот уже совсем скоро стало казаться, что побег и огромная тёмная машина, опускающаяся во двор интерната, были выдумкой неугомонного Коськи. Только где-то глубоко в душе осталась мечта о тёплом море и белом дирижабле на нём.

Глава 2

Выпускной. Как же быстро пролетело время. Николь думала, что будет очень скучать по Коське, покинувшему родные стены два года назад, но поступившие на учёбу сначала братик Валентин, а потом и маленькая сестрёнка Р{э}ис заметно скрасили монотонную жизнь. Да, маму вновь внесли в списки государственного реестра потенциальных матерей, и она родила Республике двоих одарённых детей. Николь часто видела на свиданиях их отца – специалиста универсальной магии одиннадцатого уровня Николая Зонгера. Его, как и папу, звали Николай, но это имя очень часто встречалось среди имён жителей Свободного Либерстэна, ведь так звали основателя их государства Освободителя Николая Либерова.

Порою Николь казалось, что она видела отца брата и сестры раньше, и он тоже угощал её конфетами и лимонадом. Но откуда? Странная штука память, порой выдаёт такие воспоминания, которых не было.

Валентин уже к моменту поступления в школу имел седьмой уровень универсальной магии, не отставала от него и Рэис. Отец очень гордился столь одарёнными детьми и обещал, что их ожидает великое будущее. Каждый свой приезд задаривал малышей игрушками и сладостями, которыми ребятишки охотно делились со старшей сестрой. Странно, но конфеты, печенье и даже диковинные фрукты из рук гражданина Зонгера брать не хотелось. Как будто... он запачкал маму и саму память о папе. Но об этом даже думать было нельзя. Николай Зонгер, как и мама, честно исполнял свой гражданский долг – Валя и Рэис со временем станут достойными гражданами Свободного Либерстэна.

Жаль что Коська не увидел платья, которое Николь сшила себе на выпускной на уроках рукоделия. Оно было такое красивое. Бледно-голубое, с рукавами фонариками и вырезом лодочкой. Мама где-то достала тоненькие полоски кружевных лент, которые волшебным образом украсили обычную хлопковую ткань.

Директор интерната гражданин Захарченко произнёс прочувствованную речь. Впрочем, в ней звучало то, что ребята и так уже хорошо знали: в их шестнадцать лет перед ними теперь открыты все двери Либерстэна. И с завтрашнего дня выпускники вольются в дружную семью его граждан. Кто-то продолжит учёбу, кто-то станет к станкам и выйдет на поля и стройки, и лично он, гражданин Захарченко, надеется, что все его «дети» будут не только созидателями, но и достойными защитниками родного государства. Ведь не было для жителей Либерстэна чести большей, чем защищать границы родной страны от полчищ ужасных монстров, рвущихся из-за созданного ещё при Основателе Либерове магического полога.

Целых две недели каникул Николь провела дома. Можно было бы и дольше, ведь занятия в училище целителей, куда она подала документы на дальнейшее обучение, начинались только через полтора месяца, но мама как-то странно замялась и сказала, что выхлопотала дочери путёвку в настоящий дом отдыха. Дом отдыха – это хорошо, но так хотелось побыть дома с мамой и младшими братом и сестрёнкой.

Вскоре причина маминого беспокойства стала понятна – как-то утром из её спальни вышел гражданин Зонгер. Дети ему очень обрадовались. А Николь... Для неё он был никем. Впрочем нет, гражданин Зонгер был государственным производителем, ответственно относящимся к своим обязанностям и продолжающим поддерживать рождённых от него детей.

– Мама, он теперь твой муж? – Николь с силой тёрла горящую щёку. Этот Зонгер перед тем как проститься и уехать на службу на блестящем чёрном мобиле, поцеловал не только выбежавших проводить его детей, но и её. Вроде бы, как маленькую, но отчего же так противно?

– Нет, доченька, у него уже есть жена, – отвернув к окну лицо, сообщила мама.

– Ты его любишь, да?

Аделаида Николаева тяжело вздохнула и, когда Николь уже решила, что ответа не последует, всё же заговорила:

– Понимаешь, дочка, так надо, – и смолкла, не решаясь продолжить.

– Что надо, мама?! Принимать у себя чужого женатого мужчину? Тебя ведь уже давно исключили из реестра, и ты не обязана принимать у себя государственных производителей! Мы живём в свободной стране!

– Что бы ты понимала, – глухо ответила мама.

– Что я понимаю? Мне он не нравится, мама! И я вижу, что он не нравится тебе! Давай его прогоним! Или... или я пойду в комитет Свободы или даже в Магический Контроль и пожалуюсь на него!

– Нет! Доченька, нет! Я люблю его, я правда, люблю его! – мать кинулась к ней и готова была упасть на колени.

– Как-то я не так представляла любовь, мама, – Николь собралась выйти из комнаты.

– А как? Цветы, конфеты и поцелуи?! Ну так вот же! – Аделаида указала на стол, на котором стояла ваза с цветами и валялись несколько фантиков от конфет, брошенные убежавшими гулять детьми.

– Не знаю. Мне думается, что любовь можно прочесть во взглядах, а ты смотришь на него со страхом. И перед прощанием он поцеловал не тебя, а меня. Мне противно, мама!

– Доченька, потерпи, – мать всё же бросилась на колени, – потерпи, моя маленькая! Скоро ты уедешь, и не будешь его видеть! Думаешь, почему мне оставили этот дом? – женщина обвела рукой их скромное жилище. – А ведь после того, как я осталась одна, я обязана была переселиться в комнату в общежитии для одиноких! Откуда эти игрушки? Платья? Конфеты и фрукты? Почему от тебя так быстро отстали после того, как... – и тут мама испуганно смолкла.

– После чего, мама?

– Ничего, – Аделаида сжалась и отошла к мойке, загремев грязной посудой. – Может, сейчас ты и не готова это понять и принять, но знай, что я тебя люблю и сделаю для тебя всё, а не только...

– Я тоже люблю тебя, мамочка. Очень-очень, – Николь подошла к матери и крепко обняла её со спины. – И Валюшку и Рэйс тоже люблю. Даже не смотря на то, что... – и смолкла, почувствовав, как напряглась материнская спина.

Время, оставшееся до отъезда в дом отдыха, Николь провела за рукоделием. Она шила себе платья из тканей, которые достала мама. Ну да, мама. Как же! Но все слова были уже сказаны, а обижать мамочку, и тем более, злить гражданина Зонгера не хотелось. Пусть его. Платья можно сшить, но ведь не будет же проверять этот «производитель», носит ли она их? В санатории хватит тех двух, что остались ещё с интернатской поры, а в училище выдадут форменную одежду. И девушка стойко терпела его поцелуи в щёку при встрече и прощании и старательно делала вид, что не замечает масляных взглядов, блуждающих по её ещё по-юношески угловатой фигуре.

Как же хорошо, что до девятнадцати лет – возраста занесения в реестр потенциальных матерей – ещё три года. Три долгих года. Мало ли, что за это время случится? Вдруг, за время учёбы в училище у неё резко поднимется магический уровень? Или у Коськи, и тогда они смогут пожениться. Или гражданин Зонгер отстанет и забудет про них. Или... да мало ли что?!

Отъезд в дом отдыха воспринялся как избавление. Как будто... Николь эти две недели валялась в липкой и мерзкой грязи, а потом помылась в бане, где было много-много горячей воды и настоящего душистого мыла.

Как же хорошо, что она попала сюда! В доме отдыха была совсем другая жизнь. В комнате жили всего четыре женщины, две из них – обе намного старше Николь – были награждёнными путёвкой передовицами производства, даже не магами, а одна – двадцатипятилетняя специа-

лист универсальной магии пятого уровня, настоящая хранительница границы – восстанавливалась после четвёртых в её жизни родов. Роды были тяжёлыми, потому и оказалась Татьяна здесь. На самую молодую они посматривали с любопытством, но не отвечать же заслуженным гражданкам, что путёвку для неё достал «производитель», а если уж быть до конца откровенной, любовник её матери. Впрочем, женщины смогли сдержать любопытство, и до откровенных расспросов дело не дошло.

Утро начиналось с подъёма и обязательного завтрака, причём старшие – гражданка Марина и гражданка Беата – каждый раз искренне радовались подаваемым блюдам и размерам порций, они с удовольствием съедали всё и нисколько не стеснялись доедать то, что оставалось на тарелке Николь. После завтрака отдыхающие частенько слушали лекции. Иногда им рассказывали о красотах родной страны, иногда о новых трудовых свершениях её граждан и очень часто о героических подвигах хранителей рубежей Свободной Республики и о том, что делается государством для того, чтобы рубежи оставались непроницаемы для беснующихся за пределами магического полога монстров.

После обеда полагался небольшой сон, прямо совсем как в детском саду и младшей школе, потом прогулки, а после ужина на летней площадке почти каждый вечер показывали настоящие фильмы. Иногда документальные, а иногда даже художественные. В них отважные защитники Либерстэна боролись со злыми зарубежными монстрами, раскрывали все их коварные планы и всегда выходили победителями.

– Как же я хочу скорее выучиться и поступить на службу! – восторженно призналась Николь Татьяне после просмотра одного из таких фильмов. – Обязательно на границу! Пусть я и целительница, но труд целителей ведь тоже там востребован, правда? Ах, Татьяна, какие романтические отношения были у целительницы Ассоль и производителя Фредерика! У них родилось шесть детей! А потом они поженились и родили ещё троих. Вот какой должна быть настоящая любовь! Скорее, скорее, скорее хочу вырасти!

После просмотра такого великолепного фильма верилось, что настоящая любовь где-то ждёт и Николь, а липкие мерзкие взгляды гражданина Зонгера были глупой выдумкой. Не могут быть граждане Либерстэна плохими, ни в одном фильме такого нет. Ведь с первых кадров понятно: если кто-то поступает плохо, значит, в конце фильма выяснится, что он саботажник или, вообще, вражеский лазутчик!

Татьяна долго молчала, а потом, словно решившись, начала осторожно говорить:

– Я тоже верю, что настоящая любовь существует. И ты обязательно найдёшь её.

– Найду. Конечно, найду! Но, Татьяна, почему ты так грустно говоришь об этом?

– Почему? – женщина бросила тоскливый взгляд на угасающий за дальней лесополосой закат. – Эх, Ника, Ника, какая ты ещё наивная. Думаешь там, на границе, мы день за днём совершаем героические подвиги? Нет, служба большинства магов заключается в том, что мы подключаемся к магическим накопителям и час за часом, смена за сменой, год за годом отдаём им свою силу и молодость. Маги отдают этой проклятой Стене свою жизнь! – зло выплюнула Татьяна. – Но и это ещё не всё! Мало отдать Свободной Республике жизнь, каждая женщина должна родить как можно больше ещё таких же магов, которые заменят иссушенных Стеной ранее! Да, если тебе повезёт, то тебя выберет какой-нибудь один производитель. Правда, для этого он должен занимать достаточно высокое положение. И ты будешь... только с ним. А если нет, то тебя будут иметь право пользоваться все, кто выше восьмого уровня! И так до тех пор, пока не забеременеешь. Зачастую даже не зная, от кого... Вот она наша романтика, Николь. А теперь можешь сообщить о моих словах службе Магического Контроля. Я устала. Я так устала и уже ничего не хочу: ни любви, ни светлых идеалов. Это последние дни отдыха, а потом... потом опять всё сначала – смена у накопителя, смена в постели. Смена у накопителя, смена в постели, – Татьяна прижалась спиной к белеющему в темноте стволу берёзы. Если бы Николь не видела магических потоков, то и не заметила бы бегущих по её щекам мокрых дорожек.

Всю последующую неделю, оставшуюся до отъезда, ни одна из девушек не возвращалась к этому откровенному разговору. Иногда Николь даже казалось, что Татьяна с надеждой смотрит на подъездную дорожку, как будто бы ждёт, что раскроются кованые ворота и в них въедет чёрный мобиль службы Магического Контроля. Но всё, что было сказано в тот вечер, осталось между ними.

– Оставь мне свой адрес, я буду тебе писать! – попросила Николь Татьяну при расставании.

– Нет, не нужно, – отвернулась старшая подруга, – мне и отвечать-то некогда. Ты хорошая девочка, Николь. Пусть твоя жизнь сложится по-другому.

Как впоследствии сложилась дальнейшая судьба соседки по комнате, Николь так и не узнала.

Началась учёба. Уроки, практические занятия, зачёты, сессии, еженедельное дежурство в городское лечебнице – всё было внове. Николь нравилось учиться. И помогать больным пациентам тоже нравилось. Если бы не одно «но». Её магический уровень замер на второй отметке. А это значило, что ей никогда не стать доктором, и даже пытаться не стоит – на учёбу в медицинский институт принимали с уровнем не ниже пятого. Что уж говорить про седьмой, при котором женщина-маг могла сама устраивать личную жизнь.

А ведь Николь могла больше. Она видела магические потоки внутри тел, мало того, теперь она могла ими управлять. Но последние мамины слова при расставании были: «Помни о судьбе папы». Поэтому рассчитывать можно было только на должность младшей целительницы. Принеси, подай, наложи повязку, подпитай рану энергией. Но ведь на границе и такая помощь нужна. К концу третьего года обучения Николь определилась со специализацией – целебный массаж. Это именно та процедура, при которой она может использовать свои способности, не вызывая никаких подозрений. Что удивительного в том, что пациенту стало легче после её волшебных рук? Ведь для этого и назначается лечение.

За всё время учёбы домой удавалось вырваться всего на несколько дней. Николь отговаривалась летней практикой в госпиталях. И совсем не обязательно было знать Аделаиде Николаевой, что её дочь сама напрашивается на дополнительную работу. Впрочем, мама есть мама, и она всё понимала: Николь домой не рвалась. Ведь там она могла встретить всё того же Зонгера. Отеческие поцелуи в щёчку закончились, но взгляды гражданина государственного производителя становились всё более откровенными. Ничего, есть в этом и положительная сторона – за летнюю работу в госпитале давали дополнительные талоны на питание и промтовары и даже платили настоящие деньги.

Последний курс. Некоторым девушкам уже исполнилось девятнадцать, и они имели настоящие официальные контакты с государственными производителями и гордо несли перед собой раздувшиеся животы – в их чревах росло очередное пополнение магической мощи Свободной Республики.

Официально вступать в контакты с противоположным полом разрешалось с совершеннолетия, наступающего в восемнадцать лет, ограничение было одно – партнёр должен быть не ниже всё того же восьмого магического уровня. Некоторые подруги воспользовались этим правом, и уже трое на их курсе родили здоровых крепких малышей, но сама Николь не спешила. У неё тоже всё будет, и Николь, как добропорядочная гражданка, родит крепких магов государству. Вот уедет по распределению, и всё у неё будет: и любовь, и дети, и счастье. Как в том фильме, который они смотрели в доме отдыха. Немного не вписывался в эти мечты Коська с его шестым магическим уровнем, но кто же в восемнадцать лет не верит, что всё будет хорошо? Ведь живут они в самом лучшем государстве, а потому иначе и быть не может.

– Николаева, у тебя через неделю день рождения? – поинтересовалась у Николь староста курса Эржина.

– Да, но откуда ты знаешь? – подумаешь, день рождения, такой же день, как и все, не лучше и не хуже других. Не кричать же об этом на всех перекрёстках.

– Но как же, с этого дня твоё имя вносится в государственный реестр потенциальных матерей. И я уже видела твоё имя в списках, которые пришли в дирекцию!

– В каких списках? – у самого горла образовался холодный комок и уверенно стал раскидывать свои колючие щупальца. Сначала к голове – Николь почувствовала, как загорели щёки, а мозг словно оцепенел и съёжился, потом мороз побежал по всему телу, мгновенно застудив кончики пальцев.

– В списках на контакт с государственным производителем, – ответила староста. Она гордилась тем, что всегда первая узнаёт все новости. – Поздравляю, Николаева. Скоро ты тоже станешь достойным и полноценным гражданином нашей Республики!

– Да, спасибо, – отрешённо кивнула Николь.

Эржина потрясла зажатými в руке бумагами и умчалась прочь.

Да, через неделю ей исполнится девятнадцать лет. Всё верно. Но почему же так сразу? Она не готова! Не то, чтобы Николь не знала. Знала. С самого малолетства знала. Для этого их и готовили. Читали лекции. Следили за здоровьем. Развивали магический дар. Пришла пора начинать отдавать долг государству. Нечего бояться. Бояться совершенно нечего! Все прошли через это. И все живы. И даже счастливы.

– Николаева! – обратилась к Николь в день её рождения директор училища гражданка Петайлова, вызвавшая студентку к себе в кабинет. – Вот твоё направление на официальный контакт. Поздравляю тебя с вступлением во взрослую жизнь! – произнесла она так, как будто как минимум, вручала Орден Республики, а потом величественно добавила: – На завтра освобождаешься от занятий.

– Да, спасибо, – нужно протянуть руку и забрать бумагу. Только бы не грохнуться в позорный обморок! – Куда мне нужно будет явиться?

Гражданка Петайлова озабоченно, словно не знала ответ на этот вопрос, посмотрела в красную внушительную тетрадь, а потом сообщила:

– Об этом не волнуйся. И, Николаева, – директриса строго глянула на Николь поверх своих круглых очёчков, – тебя выбрал для контакта очень уважаемый гражданин. Я, да что я, мы все верим, что ты не уронишь честь нашего учебного заведения! А сейчас можешь идти отдыхать, – и разрешила посетительнице удалиться.

Николь вышла из директорского кабинета, тихо прикрыв за собой дверь. Вот так: «Верим, что ты не уронишь честь нашего учебного заведения» – это как? Как можно уронить честь заведения в таком... деликатном деле? Или не уронить? Слова гражданки директрисы только усилили волнение, и к вечеру, когда сама комендант общежития поднялась в комнату, где жила Николь с подругами, у девушки, похоже, поднялась температура. Может, обратиться в медпункт? Или уже поздно? И не будет ли это рассмотрено, как удар для чести всего училища?

Николь схватила выданную ей ранее под роспись брошюру «Как вести себя при первом контакте с государственным производителем» и вышла следом за комендантшей. Сейчас её приведут в комнаты свиданий, расположенные в крыле преподавателей и... Интересно, государственный производитель уже там? И какой он? Такой же, как в том фильме? Николь шла за женщиной, усиленно шаркающей ногами по затёртым половицам, и предавалась мечтам. Вот она входит в комнату. На небольшом столике красуется умопомрачительно пахнувший букет. И рядом – вазочка с конфетами и печеньем. И приветливо шипит на горелке чайник. А у окна стоит мужчина. В комнате приятная полутьма, поэтому не удаётся толком рассмотреть его лицо. Но фигура у него прекрасная: широкие плечи, узкая талия и бёдра, высокий рост. Да,

именно так, как в фильме. А может такое быть, что Николь выбрал известный актёр? Директриса сказала: «очень уважаемый гражданин». Впрочем, нет. Кто же позволит магу с восьмым уровнем и выше заниматься актёрством? Но что же тогда получается? Самые красивые и обязательные люди – актёры – не участвуют в воспроизводстве?

Погружённая в подобные мысли Николь не заметила, куда они шли. А шли они совсем не в крыло, где жили преподаватели. Сопровождающая провела её ко всегда закрытому запасному выходу, загремела ключами и, заискивающе кому-то улыбнувшись, проворчала:

– Беги в мобиль, не заставляй уважаемых людей ждать!

Николь кивнула и забралась в гостеприимно распахнутое нутро мобиля. Неужели грузная и уже давно вышедшая из возраста воспроизводства гражданка комендант позавидовала ей? Вон какой взгляд бросила напоследок. Впрочем, сейчас это неважно. Мечты о красавце актёре бесследно улетучились, и в душу опять закрался противный липкий страх. Вспомнились давние рассказы о том, как монстры похищали детей и невинных девиц. Их так же заталкивали в мобили или дирижабли или, вообще, уносили в когтях. Какие же глупости лезут в голову! Гражданка Петайлова, хоть и была чересчур строгой, но никогда бы не позволила подобного по отношению к своим ученицам. А вдруг это всё устроила противная комендантша? Вдруг она состоит в запрещённой организации, которая поддерживает врагов Свободной Республики и саботажников?

Мобиль тронулся, и Николь осторожно выглянула в окно. В свете редких фонарей было заметно, как, ускоряя шаг и прижимаясь к серым стенам домов, словно боясь проезжающего чёрного монстра, спешат по своим делам люди. Кто-то домой, кто-то на смену. Интересно, сколько из них будут заниматься сегодня {воспроизводством}? И... как это делают те, у кого нет магического дара? Неужели для них тоже кто-то составляет график? Но как можно контролировать такой график для семейной пары?

Фу, какие же глупости лезут в голову! Но лучше уж подобная чушь, чем думать о том, что ей предстоит. Ещё раз прочитать про это? Николь открыла затёртую девчонками брошюру, но в темноте не смогла рассмотреть букв. Впрочем, текст она знала почти наизусть. Ничего сложного. Раздеться, лечь в кровать и делать то, что скажет {партнёр}. Девчонки, правда, по секрету рассказывали, что можно и по-другому, но чаще загадочно улыбались и намекали, что сама разберётся.

Николь не заметила, как выехали за город. Остались за спиной последние городские фонари, жёлтый свет фар выхватывал лишь небольшой участок унылой дороги. Неужели её всё-таки украли? Но зачем? А вдруг стало известно про скрываемый дар? Вот же невнимательная, даже не рассмотрела мобиль, в который села! Хотя как бы это помогло?

– Куда мы едем? – испуганно спросила Николь у водителя.

– Уже скоро, – невпопад ответил он.

Стала накатывать паника. А ведь Николь может остановить его. Осторожно захватить пальцами линию позвоночника держащего руль мужчины и потянуть... но так она остановит человека, а не машину. И та понесётся дальше с придушенным похитителем и беспомощной пассажиркой. Мобиль остановился у шлагбаума, водитель перебрался с подошедшими охранниками парой слов, показал им какие-то бумаги и поехал дальше. Стало немного спокойнее. Ведь не может быть такого, чтобы совсем недалеко от города было убежище врагов. Уж охранники на посту точно настоящие.

Впереди показались массивные металлические ворота, ярко освещённые электрическими фонарями. Николь ещё никогда не видела таких ярких. Фонари были не только у ворот, их перемигивающаяся цепочка освещала небольшую, но высокую охранную будку и убегала далеко влево и вправо. Водитель требовательно засигналил. Дверь охранного помещения отворилась, и из неё вышли двое стражников. Один из них пошёл к машине, а другой... неужели он наставил на них оружие? Нет, не может быть эта странная железка с двумя рукоятками и

не больше локтя размером, быть оружием. Да и зачем? Не в исправительное же учреждение везут Николь?

Подошедший охранник долго и внимательно проверял протянутые документы, затем сурово глянул на сжавшуюся на заднем сиденье пассажирку и только потом дал отмашку. Ворота медленно поехали в сторону. Николь даже приоткрыла рот, она никогда не видела подобного – тяжеленные ворота с гулким металлическим лязгом сами едут в сторону! Девушка оглянулась, когда мобиль проезжал мимо, и не заметила, чтобы их кто-то тянул.

А за воротами словно была другая жизнь. Город, а это был настоящий город, сиял. Множество фонарей освещали его дома, парки и широкие бульвары. Несмотря на поздний час, по ним прогуливались красиво одетые мужчины и женщины. Почему-то сразу было видно, что они никуда не спешат, а именно гуляют. Разговаривают, смеются, едят что-то цветное из мелких вазочек, сидя за столиками под нарядными яркими навесами. Николь замерла. Такого она не видела даже в кино. Хотелось выскочить из мобиля и потрогать этих людей. И навесы, и столики, и попробовать то, что люди едят.

– Приехали! – отвлек Николь водитель, останавливая мобиль около неприметной калитки в каменном заборе, обвитом странным плетущимся растением.

После требовательного сигнала калитка распахнулась, и из неё вышел неприметный молодой человек. На нём не было формы охранника, как на тех, что встречали их у шлагбаума на воротах, но даже в сером невзрачном костюме и без странного оружия этот встречающий показался гораздо опаснее тех. Об этом же говорили и его магические потоки, которые Николь решила рассмотреть. Она не могла навскидку определить уровень дара незнакомца, молча открывшего пассажирскую дверцу мобиля и поведшего гостью куда-то вглубь заросшего цветущими деревьями сада, но то, что он сильный маг, можно было не сомневаться.

Значит, вот он какой, её первый мужчина. Жаль, что рассмотреть его не удаётся. Встречающий шёл быстро и не спешил поворачиваться к Николь лицом. Кроме того, что очень хотелось увидеть его лицо, в голове билась ещё одна несурзная мысль. Цветы. В том фильме производитель Фредерик, ничуть не испугавшись грозных городских стражей, нарвал прямо на городской клумбе цветы и подарил их своей Ассоль. А здесь же вот они цветы – стоит только протянуть руку! Может, этот молодой человек более законопослушен? Хотя, признаться, было бы приятно, если бы и ради неё, Николь, совершили столь безрассудный поступок.

Между тем провожатый подвёл свою гостью к дому, открыл дверь и, отойдя в сторону, подождал пока девушка войдёт, а затем, бросив короткое: «Ждите!», оставил её одну. В доме было тихо и пусто. Никого нет? Но почему же в комнатах горит свет? Причём, во всех сразу. А вдруг, ещё подумают, что это Николь включила его? И девушка принялась разыскивать выключатели, чтобы соблюсти порядок.

За спиной опять хлопнула дверь. Вот же незадача! Именно в прихожей свет был уже потушен, и Николь, сама стоящая в прямоугольнике света, льющегося из большой очень красиво обставленной комнаты, не могла хорошо видеть вошедшего.

– Николь, – раздался из темноты знакомый голос.

Глава 3

Так-то. Тем, ради кого её привезли сюда, оказался не знаменитый актёр и не молчаливый молодой человек в сером. Николь узнала голос Николая Зонгера. Дядя Николай, отец Валентина и Рэйс. Девушка замерла. Она не знала, что же ей делать. Закричать? Сказать, что она дочь Аделаиды Николаевой? Но похоже, Зонгер знает, кого к нему привезли. Точно, как же она не заметила сразу! Мобиль! Именно такой мобиль или очень похожий привозил этого производителя к маме.

– Ты испугалась? – спросил дядя Николай и сделал шаг. – Тебе не стоит меня бояться, – сказал он после того, как Николь неосознанно отшатнулась. – Поверь, я не желаю тебе зла. Если хочешь, давай поговорим. Просто поговорим. О чём хочешь! О тебе, о твоей маме и ребяташках. О твоём отце...

– О моём отце? Вы что-то знаете о нём? Что вы можете знать о папе?!

– Ну вот, – гражданин Зонгер осторожно, словно боясь спугнуть, подошёл к девушке и, мягко взяв её за руку, провёл в освещённую комнату, – у нас уже есть тема для разговора. Пройдём в гостиную?

Стоять в дверях было глупо, и Николь зашла в комнату со странным названием «гостиная». А ведь и правда, можно подумать, что это помещение предназначено для приёма гостей. Здесь не было плиты и столов, как на кухне, не было и кроватей, как в спальнях. Только странная открытая печь с аккуратно сложенными в ней дровами, большой диван, обитый мягкой серебристой материей и два таких же уютных даже на вид кресла. На низеньком столике, изготовленном из странного, как будто красного, но на самом деле не крашеного дерева, лежали несколько ярких красивых журналов. Девчонки в училище иногда {доставали} такие, но старые и затёртые почти до дыр, а на этих Николь заметила совсем свежую дату. При других обстоятельствах она обязательно кинулась бы их рассматривать, но не сейчас. Ещё у стены стоял массивный шкаф. Большую его часть занимали книги – собрание сочинений Великого Либерова и других классиков Республики. Одна из стен, видимо та, в которой находилось окно, была полностью затянута плотными блестящими фиолетовыми шторами с выбитым на них серебряным рисунком.

Николь даже не подозревала, что может существовать такая красота. Разве что в сказках о древних принцессах. Но когда это было? Тогда так могли жить только узурпаторы и угнетатели. Теперь же все равны. Но если все равны, то откуда?.. Ой, кажется, её мысли понеслись совсем не туда. Но может, так и должно быть в доме для подобных встреч? Хотя подруги ничего не рассказывали про такую роскошь. Но берутся же откуда-то журналы?

– Что, растерялась? – дядя Николай отвлёк Николь от размышлений.

– Да, – призналась она, – здесь так красиво, что даже боязно.

– А вот бояться здесь некого. Ведь здесь только я и ты. И мы пришли поговорить.

Гражданин Зонгер уже увереннее взял свою гостью за руку, подвёл к диванчику и усадил на него. Сиденье оказалось таким упругим, что захотелось попрыгать, и пока мужчина доставал что-то из закрытого ранее шкафчика, Николь так и сделала, правда, быстро приняла серьёзный вид, когда хозяин этого великолепия опять повернулся. В его руках была странная, ранее никогда не виданная бутылка тёмного стекла и два очень красивых фужера на тонких ножках.

– Выпьем и поговорим, – сообщил он, вытаскивая из бутылки пробку и разливая тягучую рубиновую жидкость по бокалам, – ты как, не против?

– О папе?

– Да, о твоём папе, – печально вздохнул дядя Николай и протянул один из фужеров гостье. – Ну, за папу до дна, – предложил он и, приподняв свой напиток, выпил.

Николь знала такой обычай – пить алкоголь в память о погибших. Значит, Зонгер уверен, что папы нет в живых. И она последовала его примеру. Вино было и похоже, и не похоже на соки, которые приходилось пить ранее. Однозначно, оно было вкуснее. Терпкое, насыщенное, в меру сладкое и немного дерзкое, что ли. Дядя Николай развернул блестящую шоколадную обёртку и, отломив кусочек, поднёс его к губам гостьи. В голове приятно зашумело. И чего она боялась? Ведь это же отец Вали и Рэйс! Он не сделает ничего плохого! Просто расскажет о папе.

– Вкусно? – почему-то шёпотом спросил дядя Николай.

– Да, я ещё никогда такого не пробовала. А ещё... – Николь смущённо замолчала.

– Что? Говори. Если смогу, всё сделаю!

– Там, за столиками на улице, люди ели странные цветные шарики, – неуверенно шепнула она.

– Мороженое? Ты хочешь мороженое? Сделаем! – дядя Николай по-доброму усмехнулся и на несколько мгновений вышел из комнаты.

А осмелевшая Николь ещё несколько раз подпрыгнула на диванчике и, взяв понравившуюся шоколадку, стала с удовольствием её есть.

– Ты голодна? – спросил вернувшийся гражданин Зонгер. – Может, велеть принести ужин?

– Нет, дядя Николай, не нужно. Я поем шоколад и {мороженое}, – даже само слово вызвало приятное предвкушение, и Николь облизнулась.

– Можешь называть меня просто Николай, – сидящий напротив мужчина гулко сглотнул, опять наполнил бокалы и придвинулся совсем близко, чтобы передать Николь один из них. – Давай ещё выпьем, – шепнул он.

– А потом вы расскажете про папу? – хотелось немного отодвинуться, но спина упиралась в мягкий подлокотник дивана.

– Да, потом я расскажу про твоего папу, – гражданин Зонгер выпил сам, внимательно проследил за тем, как это делает Николь, на мгновение девушке даже показалось, что ему жаль этого бодрящего напитка, с такой жадностью он смотрел на то, как она пьёт, а потом отставив в сторону бокалы, дядя Николай начал рассказ: – Твой отец был великий человек. Да, он был великий человек и мой друг! Можно даже сказать, что он умер прямо на моих руках! И его последними словами были слова о Либерстэне и о семье! Именно так, Николай Николаев просил, чтобы я позаботился о вас. О твоей маме, о тебе и, – здесь дядя Николай тяжело вздохнул, – об Александре. Мальчика я не сберёг. Да, меня не было рядом в тот момент, когда враги вероломно напали на мирный интернат! Это моя вечная вина! Давай выпьем за твоего старшего брата и за всех других детей, которых украли ужасные монстры!

В голове уже изрядно шумело, но как не выпить за Александра? И Николь покорно приняла протянутый бокал. Потом гражданин Зонгер кормил её с рук шоколадкой, потом принесли замечательное мороженое, и она ела его, а дядя Николай смешно слизывал сладкие капли с губ и подбородка.

– Николь, девочка моя, – жарко шептал он, выискивая всё новые следы мороженого на лице, шее и даже груди девушки, – ты же понимаешь, что я никогда бы не тронул дочь своего боевого товарища! Но так надо! Через месяц тебе предстоит пройти обязательное обследование на предмет беременности! Только ради тебя, маленькая моя, сладкая моя, желанная!

Надо, значит надо. Было не то, чтобы страшно, но как-то неловко целоваться с женщиной, которому её мама родила двоих детей. А он уже расстегнул пуговицы на платье и залез одной рукой под юбку.

– Не боишься?

– Нет, это же для дела, – если много раз повторить, что всё свершается во имя великого дела, то и сама поверишь в это.

– Да, мой нежный лепесток, для дела и для Республики! Всё только для Республики!

Платье отлетело в сторону. Только бы не порвал, ведь это её самое нарядное. Дядя Николай подхватил лёгкую ношу на руки и потащил в другую комнату. Там стояла широкая, просто огромная кровать, на которую они и упали вдвоём.

– Ника, моя Ника, маленькая, невинная, только моя! – как безумный, шептал мужчина, блуждая мокрыми губами по обнажённому девичьему телу. – Как долго я этого ждал, мой цветок!

А потом он впился жадным поцелуем в её рот, раздвинул судорожно сжатые колени, как-то очень ловко оказался между ног Николь, а потом... потом промежность пронзила острая боль и девушка вскрикнула.

– Да! – торжествующе ответил ей сосредоточенно пыхтящий дядя Николай и начал двигаться. Резко, уверенно, вызывая новые и новые вспышки боли.

Кажется, он тоже стонал. Неужели, ему тоже больно? Но зачем тогда всё это? Ах, ну да, ради Республики. И Николь постаралась сдержать рвущиеся из горла всхлипы боли и бессилия. Краем сознания вспомнилась слова Татьяны, сказанные в доме отдыха три года назад: «Смена у накопителя, смена в постели». Пожалуй, верно. Подобное можно было считать за полноценную трудовую смену. А гражданин Зонгер всё пыхтел и пыхтел. Кажется, даже начал злиться.

– Что ж ты такая... неопытная, – досадно пробормотал он и больно ущипнул Николь за грудь так, что она даже вскрикнула. – Вот, уже лучше, – и последовал ещё один щипок. Потом даже склонился и прикусил зубами. Девушка опять вскрикнула, – Да, да, покричи! Ещё, ещё!

Чтобы её не кусали и не щипали, Николь пришлось кричать, тем более, кричать очень хотелось, в промежности давно всё горело от боли, а Зонгер всё вбивался и вбивался в распростёртое тело. Наконец он задёргался быстрее, вошёл особенно глубоко, тоненько застонал и затих.

– Ох, ну и укатала ты меня, золотце, – сообщил он и отвалился в сторону.

Как же хорошо, что эта попытка, наконец, закончилась. Теперь нужно согнуть колени, как советовалось в той брошюрке.

– Ой, я забыла в машине брошюру! – вспомнила Николь.

– Никуда она не денется, завтра заберёшь, – странным безразличным голосом ответил гражданин Зонгер, – давай спать, я устал, – и, повернувшись к девушке спиной, мирно засопел.

Спать. В училище уже давно прозвучал сигнал отбоя, но спать совсем не хотелось. Очень болело в промежности. А ещё там было противно и скользко. Очень хотелось помыться. Но в той брошюре ясно говорилось, что после {акта} – никакого мытья, лежать на спине и делать всё, чтобы произошло зачатие. Если это случится, то Николь не будет иметь дела с государственными производителями почти год. Ребёнок. Хочет ли она его? А для чего? Ведь он будет государственным, и, как и все другие государственные дети. Как Коська, как Валентин и Рэйс, будет расти и воспитываться в детском доме. Николь, конечно же, будет навещать его, как мама навещает братика и сестричку, но это совсем не то, ведь расти с родителями гораздо лучше, уж ей ли это не знать. И потом, кем будет этот малыш, если он, конечно, будет, для Вали и Рэйс? От этой мысли стало горько и жутко. Как будто Николь предала маму. А потом разум обожгла ещё одна жуткая мысль: а вдруг ребёнку передастся её ужасный дар-проклятие?

Мысли уходили совсем в другую сторону. Можно даже сказать, не должно быть таких мыслей у истинных патриотов Республики. Одно Николь знала точно: рожать ребёнка, тем более, от Зонгера не хотелось. А что, если... Первый контакт далеко не всегда приводит к беременности, а она всё же целительница, и не просто целительница.

Николь глянула на мирно похрапывающего рядом {производителя} и, убедившись, что он ничего не заметит, принялась за дело. Так, картину того, как происходит зачатие, она помнит хорошо. В училище не рассказывали, что нужно делать для того, чтобы зачатие {не произошло}, но если сгустить магические потоки на пути мужской спермы, то может всё полу-

читься. На себе подобное проводить не очень удобно, но задумка того стоит. Вот так, теперь вероятность наступления беременности минимальна.

Эту ночь Николь так и не сомкнула глаз. Во-первых, у неё было важное дело, а во-вторых, сон сам не шёл: никак не успокаивалась боль, да и в голове роились незнакомые тревожные мысли. Вспоминались почти забытые слова Татьяны, коськины обещания. Теперь она была уверена – заниматься подобным не хотелось даже со старым проверенным другом, даже если они поженились. И вообще, пора было думать о будущем – до окончания учёбы оставалось меньше трёх месяцев.

Утром перед уходом гражданин Зонгер сообщил, что примерно через час за Николь заедет мобиль и увезёт в общежитие, а пока ей доставят завтрак. А потом вышел. Вот так. Только сейчас вспомнилось, что он так ничего и не рассказал о папе. Ни где они встречались, ни как подружились и, самое главное, как папа погиб. Как же она упустила столь важный момент. А сейчас дядя Николай убежал на службу. И вообще, после бессонной ночи голова просто раскалывается. И тело. Почему же всё так болит, как будто её били? И есть совсем не хочется. Неискушённая Николь впервые в жизни столкнулась с последствиями похмелья.

Перед тем, как проводить ночную гостью до мобиля, серый молодой человек, который встречал её вчера, доходчиво пояснил, что не стоит распространяться о том, где она была и что видела, ибо это государственная тайна. Этому безразличному рыбьему взгляду и вежливо-холодным словам верилось безоговорочно. Почему-то показалось, что «Серый», как окрестила его Николь, гораздо опаснее дядя Николая.

Девушка покорно села в ожидавший её чёрный мобиль, откинулась на мягкую спинку заднего сиденья и прикрыла глаза. Даже невиданные красоты просыпающегося города не могли её заинтересовать. Так она не уставала ни после одной из самых тяжёлых смен в госпитале.

– Гражданка Николь, приехали! – водитель осторожно тронул за плечо.

Надо же, даже не заметила, как заснула. В окно мобиля была видна серая стена их общежития. Мобиль стоял у той же двери, из которой вчера комендантша вывела девушку. Нужно выбирать.

– Вы забыли это, – и водитель протянул большой бумажный пакет.

– Это не моё! – испуганно сказала Николь и даже выставила вперёд руки, открещиваясь от чужих вещей.

– Ваше-ваше, – уверенно произнёс водитель, ловко всучил пакет в протянутые руки, затем забрался в мобиль и уехал.

Дверь чёрного хода ожидаемо оказалась закрыта. Ну и ладно, не так уж и сложно обойти здание, и Николь пошла к входу, которым пользовались все живущие в общежитии. Стояла тишина – все были на занятиях. Как же хорошо, что директриса позволила сегодня отдохнуть.

– А, Николаева, вернулась, – комендантша находилась в холле на первом этаже и о чём-то тихо перешёптывалась с вахтёршей, Николь даже на миг показалось, что ждали именно её.

– Да, – не стала отрицать очевидное, – я вернулась.

– Ну, как ты?

Эти две старые сплетницы были совсем не теми людьми, с которыми хотелось откровенничать.

– Спасибо, всё нормально, – ровно ответила Николь.

– А что за пакет несёшь? – подозрительно спросила вахтёрша.

– Пакет? Ах да, пакет.

Как же хотелось добраться до своей комнаты, помыться хотя бы холодной водой, ведь в будний день горячей воды не было, и лечь в постель. Но не стоит портить отношения со столь важными людьми, и Николь покорно заглянула во врученный ей пакет. Там лежали собранные со вчерашнего роскошного стола сладости и фрукты. Она взяла две лежащие сверху шоколадки и протянула их докучливым женщинам:

– Вот, это вам.

– Нам? Но как же? За что? – неискренне удивилась комендантша и, проводив жадным взглядом шоколадку, исчезнувшую в кармане вахтёрши, быстро прибрала свою. – Ой, спасибо, девочка, не забыла о нас. Отдохнуть хочешь? Давай я тебя провожу! – и женщина увязалась за щедрой студенткой, которая не посмела отказаться от подобной услуги.

Девчонки всегда легко избегали по лестнице, но сегодня Николь едва ли не кряхтела так же, как грузная провожатая.

– Что? Тяжело с непривычки? Как всё прошло, коли такая замученная идёшь? Загонял тебя гражданин маг? Куда возили-то, расскажешь?

Кажется, эта старушенция нарывается на грубость.

– Гражданка Тусенова, – Николь повернулась и со своей верхней ступеньки глянула в глаза комендантше, – вам известно, что такое государственная тайна?

Красное, с сизыми прожилками на щеках и носу лицо заметно посерело.

– Это ж я так, от переживаний за вас, гражданка Николаева, – осеклась излишне любопытная дама, – я и в виду-то ничего такого не имела. Я честно выполняю свой долг перед Республикой! Мне и конфеты ваши не нужны. Если хотите, я даже шоколадку верну!

– Нет, не нужно, оставьте себе. Позвольте мне немного отдохнуть и прийти в себя.

– Отдыхайте, отдыхайте, разве ж я не понимаю, – залебезила комендантша.

Она говорила что-то ещё про гражданку директрису и медпункт, но Николь уже было всё равно, она наконец-то добралась до своей комнаты.

– Благодарю вас, гражданка Тусенова, – как можно вежливее постаралась сказать она и захлопнула дверь своей комнаты.

За дверью послышалось шарканье удаляющихся шагов. Теперь можно поставить пакет на стол, выдавший свои лучшие времена очень давно, переодеться в старенький фланелевый халат и отправиться в душ. Холодной водой много не намоешься, но Николь тёрла и тёрла засохшие бурые пятна на бёдрах, словно пыталась стереть сами воспоминания о прошедшей ночи. Но почему же так гадко на душе? Что с ней не так? Ведь Ассоль из фильма была счастлива на утро после выполнения долга перед государством. Ну да ладно, вот пройдёт боль, и Николь тоже будет счастливой.

После того, как Николь стала полноправной гражданкой Либерстэна, отношение к ней изменилось. Как будто её магический уровень подскочил сразу на несколько пунктов. Но почему-то складывалось ощущение, что случилось это не из-за внесения её в государственный реестр потенциальных матерей, а из-за чёрного мобиля, на котором её возили к производителю, и того пакета сладостей, который девчонки дружно прикончили в тот же вечер. Подробностей прошедшего ждали не только комендантша и вахтёрша, подруги тоже не единожды намекали, что хотели бы знать, к кому она ездила. Хорошо, что слова «государственная тайна» одинаково действовали на всех, и от неё отстали.

Ежемесячный осмотр потенциальных матерей, имевших контакт с производителями, который проводил врач училища, показал, что беременность у Николь не наступила. Подруги по учёбе и даже некоторые учителя дружно высказывали насквозь фальшивые слова сочувствия. Как же, не оправдала надежд государства и такого важного человека, пусть даже никто толком и не знал, кого. И так же дружно звучали слова поздравлений, когда в положенное время в графике опять появилось имя Николь. И опять вместо имени государственного производителя стояло лишь время, когда её заберёт мобиль.

Пусть радость окружающих женщин нельзя было назвать искренней, но зависть просматривалась во взглядах многих. Ведь постоянный могущественный партнёр – это мечта многих из них. Но ожидаемое счастье всё не приходило. Ну почему она не такая как все? Из разговоров с подругами уже было понятно, что от первого контакта приятного ожидать не прихо-

дится, а вот впоследствии мужчина очень даже может доставить удовольствие. А уж такой как у Николь... и тут они мечтательно закатывали глаза. А что «такой как у Николь»? Разве они видели его? Невысокий, лысоватый, далеко не первой молодости, да ещё и с заметно выступающим брюшком. Нисколько не похож на красавца Фредерика из фильма, которым по-прежнему бредила Николь. А может, это и есть любовь? Любовь к актёру. Любовь, у которой нет ни единого шанса. А потому и актёра, и сам фильм лучше выбросить из головы.

В назначенное время комендантша Тусенова опять проводила Николь до чёрного мобиля.

– Ты уж, Никуша, не подведи нас, – заботливо хлопотала она, впрочем, не упуская возможности сунуть свой нос в приятно пахнущее кожей нутро мобиля.

– Не подведёт! – кажется, знакомый уже водитель даже клацнул зубами в сторону любопытствующей дамы, после чего самолично захлопнул дверцу, чуть не придавив тот самый нос.

Пока мобиль добирался до знакомого дома, Николь составляла план вопросов, которые нужно задать гражданину Зонгеру. Во-первых, расспросить про всё, что тот знает о папе, во-вторых, узнать, можно ли где-нибудь купить хотя бы один журнал из тех, что лежали на столике в {гостиной}, и... девчонки спрашивали, не нужны ли товарищам гражданина Зонгера ещё молодые потенциальные матери. Ну и так, по мелочи. Думать нужно о чём угодно, только не о потном жирном теле. Нет, даже в мыслях мага одиннадцатого уровня так называть нельзя! Ведь для государства важна не красота тела, а его магические способности, а, стоило признать, способности гражданина Зонгера – одни из самых высоких. И то, что рождённые от него дети очень талантливы, Николь знает не понаслышке.

За калиткой её привычно встретил серый молодой человек и провёл в дом. Николь опять обратила внимание, что свет горит во всех комнатах. Ну что ж, наверное, так положено, кто их, высших магов, знает. Она самостоятельно прошла в красивую гостиную и на этот раз уселась в кресле – только не на диванчик, пусть дядя Коля сидит там один.

Когда гражданин Зонгер наконец-то пришёл, Николь уже просмотрела все журналы, лежащие на столике. Она не решилась попробовать находящиеся там конфеты и печенье – нельзя брать чужое без разрешения.

– Заждалась? – немного снисходительно спросил дядя Николай, и девушке в этот миг показалось, что задержался он специально.

Ответить правду? «Нет, нисколько!» Ещё обидится, вон как самодовольно улыбается. К счастью, ответа ждать не стали.

– Дела. Мы должны служить государству днём и ночью! – важно ответил он сам себе. – День я полноценно отработал, теперь предстоит потрудиться ещё и ночью! – игриво закончил Зонгер, ущипнув Николь за щёку.

Оставалось надеяться, что ответная улыбка вышла не очень жалкой.

– Сейчас поужинаем, а то, знаешь ли, заработавшись, я не поужинал, – продолжил дядя Николай свой монолог, – а потом займёмся делом, – и он опять ущипнул девушку, на этот раз за грудь.

– Я бы хотела спросить у вас кое-что, – всё же решила вступить в разговор Николь.

– Да-да, конечно, всё, что угодно, – покладисто согласился мужчина и смолк, ожидая, пока вошедший «серый» не составит с подноса прикрытые странными блестящими металлическими крышками блюда.

За ужином расспросы начинать было неудобно, а после того, как с едой было покончено, дядя Николай первый начал разговор:

– Ника, ты хорошая девушка, и я знаю, будешь хорошей гражданкой и ответственной матерью. Где ты планируешь работать после окончания учёбы?

Николь замерла. Не может быть, чтобы такой могущественный человек и не смог проверить листы их распределения, ведь они уже давно вывешены на доске объявлений перед директорским кабинетом.

– Республика сочла возможным доверить мне один из важнейших постов, – осторожно начала она. – После окончания учёбы я отправляюсь в приграничный госпиталь!

– В приграничный госпиталь, – неужели Николь почудилось презрение, проскользнувшее в словах Зонгера? Он даже не попытался высказать удивление, резко встал со своего места, подошёл к Николь, сдёрнул её с кресла, уселся сам, разместив девушку на коленях и грубо, до боли впился в её губы. – Всё такая же сладкая. Желанная, – резюмировал он. А потом самодовольно сообщил: – Я предлагаю тебе другое распределение, – и загадочно смолк.

– Другое? Но как так можно? Госпитали находятся в вашем распоряжении?

– В твоём, маленькая моя. Я же просил называть меня просто Николай и на «ты».

– В твоём распоряжении, – послушно повторила Николь.

– Скажем, в моих силах поменять распределение одной очень понравившейся мне цели-тельнице, – попытки гражданина Зонгера перейти на игривый тон вызывали безотчётный страх.

– Но... как же так? – к такому повороту Николь была не готова.

– Останешься здесь. В этом городе. В этом домике. Устроишься на службу в поликлинику для государственных служащих. Ну, девочка моя, всё в наших силах! Стоит только захотеть! И я смогу часто-часто навещать тебя, – жарко шептал он на ушко, одновременно противно мусоля его.

– Здесь, в этом домике? Но как же «серый»? Как ваша жена?

– Серый? Это ты про моего секретаря? – ухмыльнулся дядя Николай. – И правда, серый. Не беспокойся, Револ находится на службе, и он хорошо знает, что такое долг.

– А... жена? – хотелось выяснить всё сразу.

– А что жена? Она уже вышла из возраста воспроизводства и, как ответственная гражданка, понимает, что я ещё могу и просто обязан постараться для государства! – самодовольно заявил он. – Ну, так что? Уютное гнёздышко, и в нём только я и ты? Я тебя в такие шмотки одену! Такими подарками засыплю! Твоим подружкам и не снилось! Мало кто в Либерстэне видел такие, – намекнул Зонгер.

Очень хотелось завизжать и оттолкнуть противные руки от своей груди. И дядя Николай предлагает заниматься {этим} постоянно? А это так и будет, если она ответит «Да». О, свобода слова, что же ответить? Но кажется, гражданин Зонгер не ждал ответ прямо сейчас. Он уже остервенело сдирал одежду с Николь, затем перегнул девушку через подлокотник кресла и, повозившись с застёжкой своих штанов, неожиданно резко вошёл в неё сзади. Почему же так противно. Одно хорошо, сейчас производитель не видит её лица. Скрыть омерзение Николь была бы просто не в силах. Той, прошлой боли не было, но и приятного в том, как сухой член ходит туда-сюда, тоже совсем не наблюдалось. Придётся терпеть. Нужно только иногда вскрикивать, как того требовалось Зонгеру и покорно ждать, когда же всё закончится.

Остаться в этом доме и терпеть подобное постоянно? Не-ет, только не это!

Не стоило и надеяться, что гражданин государственный производитель забудет своё предложение. На его вопрос, что же решила Николь, девушка ответила, что она не может подвести государство и приграничный госпиталь, в который её направили, и который рассчитывает на её трудовые руки.

– Ну хорошо, езжай, поработай, хлебни приграничной романтики! – как-то странно ответил гражданин Зонгер. – Только не думай, что я позволю кому-то другому прикоснуться к твоему телу! Ты моя и только моя, это понятно?

– Да, Николай, конечно, – покорно ответила Николь, испугавшись нового Зонгера, на мгновение выглянувшего из-под маски добряка дядя Николая. – Я буду только рада, если никто не прикоснётся к моему телу.

Что подумал Зонгер, услышав столь двусмысленный ответ, осталось невыясненным. Мужчина подтянул полуспущенные штаны и ушёл в спальню. Всё? Отстал? Вот и славно. На этом замечательном диванчике, да ещё одной, спать гораздо удобнее, нежели на скрипучей общежитской кровати.

Наутро, когда мобиль вернул её к общежитию, поджидавшая у подъезда гражданка Тусенова была неприятно поражена тем, что Николь приехала без вожаемого пакета со щедрыми подношениями.

До отъезда к месту службы Николь ещё раз имела контакт с гражданином Зонгером. Можно даже сказать, что он был внимателен к ней: долго-долго елозил по телу руками и губами, потом зачем-то тёр пальцами ей в промежности. А, услышав вырвавшийся нечаянный недовольный вздох, покровительственно проворчал:

– Эх, Ника, Ника. Какая же ты ещё неопытная! Прямо нераскрывшийся бутон. Скорее бы уж забеременела, роды пойдут тебе только на пользу, и ты поймёшь, какое наслаждение можно получать от связи с мужчиной. Ну, давай поработаем на благо Республики! – и он опять навалился всем своим грузным телом.

Этой ночью Николь впервые посетили сомнения: а только ли на благо Республики трудится сейчас гражданин Зонгер? Впрочем, про это даже думать нельзя.

На прощание дядя Николай вручил две странные тряпочки, назвав их кружевным бельём. Они были прозрачными и почти невесомыми. Совсем не функциональными, в отличие от привычного хлопкового и фланелевого белья, но такими красивыми!

– Вот, будешь надевать это для меня, – чуть ли не в приказном порядке сообщил он. – А то это, – он презрительно отшвырнул ногой удобные трусы, которые до этого содрал с девушки, – совсем не способствует пробуждению желания! И да, я согласен, чтобы ты отправилась на границу и испробовала самостоятельности. Но только в госпитале! Смотри у меня, чтобы никаких посторонних связей!

– Но как же график? – осторожно поинтересовалась Николь.

– Это уже не твоя забота. Будешь хорошей послушной девочкой, и в графике будет стоять только моё имя. Я, знаешь ли, люблю быть единственным, – самодовольно заявил дядя Николай. – И, милая, пойми, в твоих интересах быть более активной в постели. А то твоя детская неопытность начинает утомлять. Ты должна понять, что мой интерес не вечен. Его нужно {поддерживать}! А график посещения производителей у свободных женщин на границе может быть оч-чень плотным! Ты это обдумаешь?

Опять вспомнились слова измученной Татьяны, сказанные в доме отдыха: «Смена у накопителя, смена в постели». До чего же не хотелось верить, что они могут быть правдой.

Граница. Госпиталь. Как же хорошо заниматься настоящим делом! Лечить и поднимать на ноги защитников Республики. Всё было бы хорошо, если бы не ежемесячные приезды производителя Зонгера. Но и их Николь научилась терпеть. Она даже узнала у словоохотливых сослуживиц, как нужно себя вести в постели с мужчиной, чтобы доставить ему {удовольствие} и не показать, что он неприятен. Немного постного масла для смазки, немного стонов и ничего не значащих слов – и мужчина доволен. Только вот в последний приезд дядя Николай всерьёз заинтересовался, почему до сих пор не наступила беременность, и, видимо по его распоряжению, потенциальная мать Николаева была подвергнута тщательному медицинскому обследованию, которое не выявило никаких отклонений в организме. Стало понятно, что дальше так продолжаться не может. Зонгер далеко не дурак, и что-то заподозрил.

Красные отблески заката настойчиво пробивались через хмурые свинцовые тучи...

Глава 4

Опять болело всё тело. Как когда-то давным-давно, когда она напилась терпкого красного вина в домике для свиданий у Зонгера. Нет, всё же стоит признать, что спина болит больше, чем всё остальное. Николь попробовала пошевелиться и застонала. Совсем рядом что-то противно запищало. Послышалось, как открылась дверь и кто-то вошёл. Жаль только, что повернуть голову и рассмотреть вошедшего никак не удавалось. Даже сама мысль о том, чтобы перевернуться на спину или хотя бы пошевелить рукой, вызывала приступ боли и головокружение.

– Вы очнулись? – спросила вошедшая. – Нет-нет, только не шевелитесь! Рана может открыться!

– Что со мной? – голос показался чужим.

– Старайтесь пока меньше говорить, у вас задето лёгкое, – ответил всё тот же голос.

Николь, наконец, удалось рассмотреть целительницу, а в том, что это именно целительница, можно было не сомневаться. Молодая женщина уверенно поправила прикреплённую к руке пациентки капельницу, а затем принялась рассматривать что-то в круглом окошечке незнакомого аппарата, стоящего рядом с кроватью.

Странно. Куда же она попала? Госпиталь. Это ясно. Ясно так же и то, что это совсем не пограничный госпиталь, в котором Николь больше чем за год службы изучила каждый кабинет и палату. Стены, оборудование, даже одежда целительницы были совсем другими, ранее никогда не виданными. Неужели её, простую служащую, привезли в одно из закрытых столичных учреждений? Точно никто не знал, но по большому секрету поговаривали, что там имеется чудо-оборудование, буквально возвращающее пациентов к жизни. Не иначе, как за неё похлопотал Николай. Впервые Николь подумала о Зонгере с благодарностью. Ведь он действительно заботится. Уж ей ли не знать, что подобные ранения с большой долей вероятности смертельны. Как же она была глупа. Потребовалось больше года времени и жуткое событие, чтобы понять, как дорога этому чуткому и отзывчивому человеку.

– Моё имя доктор Артан{и}, – продолжила меж тем женщина. – Как вы себя чувствуете?

– Спасибо, могло быть и хуже, – прохрипела Николь.

– Это верно, выжили вы лишь чудом, – подтвердила целительница, странно назвавшаяся доктором. Но кто их, столичных, знает, какие у них тут должности. – Я вкратце расскажу вам о вашем состоянии. Пулевое ранение в спину. Задето ребро и лёгкое. К счастью, позвоночник и сердце не пострадали. Доставившие вас парни сделали всё возможное, чтобы вы не скончались по дороге к нам. После, если желаете, можете их поблагодарить.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.